

(3) местопребывание духов нечестивых (Тартар, духовная бездна, духовное царство мертвых) [см. Мак-Корд, 1979, 96[4]:6]. Третьи отстаивают убеждение в том, что геенна, тартар и гадес это синонимы, представляющие одно и то же — «место всех осужденных» (Ленски, 1966, с. 310).

Однако, есть одно, в чем единодушно соглашаются защитники всех позиций, по поводу чего библейский текст выражается кристально ясно: после смерти и Суда геенна (ад) будет окончательным местом пребывания духов нечестивых. Но каким же в точности будет ад?

Ад это место наказания для тел и душ непокорных нечестивцев

Писание с точностью и ясностью говорит на тему ада как места наказания, уготованного непокорным нечестивцам. Богодуховенный автор псалмов писал: «Да обратятся нечестивые в ад, все народы, забывающие Бога» (9:18). Иисус учил тому, что на Суде нечестивые пойдут в наказание, «уготованное диаволу и ангелам его» (Мат. 25:41; ср. Мат. 25:46, где Иисус употребил греческое слово *kolasis*, которое означает наказание, мучение, страдание [см. Браун, 1999, с. 173]). Когда Иоанн описывал тех, кто соединится с дьяволом в страшной адской бездне, он упомянул «боязливых и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов» (Отк. 21:8). Павел сказал, что вместе с сатаной ад будут населять «не познавшие Бога и не покоряющиеся благовествованию Христа» (2 Фес. 1:7-9).

Рассматривая геенну в «Международной стандартной библейской энциклопедии», Геерхардус Вос обратился к стихам, в которых речь идет об аде, а затем сказал: «Во всех них оно обозначает место вечного наказания для нечестивых, обычно в связи с последним судом. ... В нее брошены как тело, так и душа» (1956, 2:1183). Э.М. Зерр комментировал следующим образом: «Геенна это озеро неугасимого огня, в которое после суда будет брошено все существо нечестивца (тело, душа и дух)» (1952, с. 17). Ад это место презрения и стыда (Дан. 12:2), а также мучений и боли (Лук. 16:23-24). Это — место «внешней тьмы» (Мат. 8:12; 25:30), где происходят наказание и страдания (Мат. 25:46; Отк. 14:11), которые охватят как тело, так и душу (Мат. 10:28).

Ад это место осознанного горя, мучений, боли и страданий

Из таких наглядных описаний довольно очевидно то, что нечестивые будут пребывать в **сознательном** состоянии. По сути дела, Иоанн писал, что сатана и его последователи из числа людей будут «оба **живые** брошены в озеро огненное, горящее серою» (Отк. 19:20). Иными словами, Библия определенно преподает «**сохранение личности** после физической смерти» (Уоррен, 1992, с. 32, выделено мной — Б.Т.). Когда Христос описал ад как место «плача и скрежета зубов» (Мат. 22:13), Он явно подчеркнул тот факт, что его обитатели будут подвержены **осознанному** страданию. Ад это место таких ужасных страданий (2 Фес. 1:9), что апостол Иоанн говорил о нем, как о «второй смерти» (Отк. 20:14-15; 21:8). Бентон подвел хороший итог этой теме:

Ад ... закрыт для присутствия Бога, отсечен от всего хорошего и цельного. Он навсегда отсечен от всякой любви, всякого покоя и всякой радости. Иисус объясняет, что, когда люди осознают это, когда они осознают, что они упустили, это произведет на них опустошительное впечатление. «Там будет плач и скрежет зубов.» Это — невыразимо мрачная картина. Мужчины редко плачут, но в аду мужчины плачут неудержимо. Иисус говорит о месте, которому присущи слезы. ... В аду люди не просто плачут; они скрежещут зубами. Будучи изгнанными из присутствия Бога в вечную черноту, навсегда лишенными всего цельного и доброго, в остром приступе гнева мужчины и женщины скрежещут зубами в безмолвной ярости. Когда они осознают, что раз и навсегда они заперты, их одолевает чувство вечной утраты, которое ведет к такой глубине гнева и ярости, что они не могут выразить это словами (1985, с. 47-48).

Обращаясь к теме осознанного состояния людей в аду, Уэйн Джексон писал:

Наказание предполагает **осознанность**. Было бы абсурдно описывать тех, кто уже не существует, как подвергаемых «наказанию». Нечестивые будут «мучимы» в огненной геенне (ср. Отк. 14:10-11). Мучение, несомненно, предполагает осознанность (ср. Отк. 9:5; 11:10) [1998, 33[9]35, выделено в оригинале].

Там будут мучения! Когда в Книге Откровения 20:10 Иоанн писал об этих мучениях, он употребил греческое слово *basanisthesontai*, корень которого (*basanizo*) буквально означает «мучить, изводить, истязать, досаждают ужасной болью» (Тейер, 1958, с. 96; ср. Мат. 8:6 относительно «страдающего» [*basanizomenos*] параличом).

Ранее Иоанн говорил о тех, кто населяет ад, что они испытают на себе «вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше

гнева Его» (Отк. 14:10). Представьте себе — испытать неразбавленный гнев Божий! В следующем стихе Иоанн сказал: «Дым мучения их [обратите внимание: **не** дым их уничтожения! — Б.Т.] будет восходить во веки веков». Неудивительно тогда, что автор Послания к Евреям говорил о второй смерти как о «сколь тягчайшем наказании», чем просто физическая смерть (10:29).

Ад вечен по своей сущности

Несомненно, один из самых ужасающих аспектов ада это его вечная сущность. На протяжении всей Библии снова и снова для описания продолжительности наказания, которое Бог наложит на нечестивых, употребляются такие слова, как «вечное», «во веки веков», «неугасимое». Будучи «Судьей всей земли», только Бог имеет право определять сущность и продолжительность любого наказания, приготовленного для нечестивых. И Он постановил, что такое наказание будет вечным по своей природе (Мат. 25:46; Отк. 14:10-11). Это может не согласовываться с нашими установившимися убеждениями и не очень располагать к себе наши чувства, но это в любом случае остается словом Божиим в данном вопросе.

Однажды я услышал о газете в Детройте, штат Мичиган, напечатавшей историю о человеке, которого (иронически) переместили из Хелла (англ. «ад») в город под названием Парадиз (англ. «рай»). Такое событие могло бы произойти в **этой** жизни, но вы можете быть уверены, что этого не произойдет в **следующей** (Лук. 16:19-31). Когда Данте в своей «Божественной комедии» («Ад») изобразил знаки на входе в ад словами «Входящие, оставьте упованья» (перевод М. Лозинского), он ничего не преувеличил.

Конечно, некоторые возражали против концепции **вечного** наказания по причине таких отрывков, как Евангелие от Марка 12:9 (где Иисус в притче предсказал, что Бог «предаст смерти» тех, которые убили Его возлюбленного Сына) и Евангелие от Матфея 10:28 (где Иисус сказал Своим ученикам бояться Того, Кто мог «погубить» в аду как тело, так и душу). Но убеждение в том, что душа будет уничтожена, основывается не на понимании, а на **неправильном** понимании рассматриваемых отрывков. В добавление к значению гибели греческое слово *apollumi*, употребленное в этих двух стихах Писания (и еще около 90 раз в Новом Завете), может также означать «потерять», «сгинуть» или «утрастить». Вайн указывал: «Здесь заложена идея не исчезновения, но

разрушения, утраты не существования, а благоденствия» (1991, с. 211). Тейер определил *apollumi* в Евангелии от Матфея 10:28 как «предать или передать вечному страданию» (1958, с. 64).

Разумеется, для нечестивых было бы более утешительным верить в то, что в конце этой жизни они будут просто «немного» наказаны, а затем «выпадут из существования», чем столкнуться с неизменным осознанием вечного наказания в огне ада. Но, утешит это или нет, должен быть задан вопрос: «Соответствует ли такое убеждение библейскому учению?»

Хотя истинно то, что в редких случаях в Писании такие слова, как «вечный» или «навеки» могут употребляться не в буквальном смысле (то есть, рассматриваемое не является вечным в строгом смысле слова — напр., Исх. 12:14 и Числ. 25:13), они **никогда** не употребляются в таком смысле, когда речь идет об аде. Слово *aionios* встречается в греческом тексте Нового Завета около семи-десяти раз, и оно переводится как «вечный» (напр., «огонь вечный», Мат. 18:8, 25:41, Иуд. 1:7; «мука вечная», Мат. 25,46; «вечная погибель», 2 Фес. 1:9; «суд вечный», Евр. 6:2). В «Объяснительном словаре новозаветных слов» Вайн писал о слове *aionios*:

Более того, оно употребляется относительно личностей и понятий, которые бесконечны по своей сущности, например, относительно Бога (Рим. 14:25), Его силы (1 Тим. 6:16), Его славы (1 Пет. 5:10), Святого Духа (Евр. 9:14, см. ПК, СПБТ), искупления, совершенного Христом (Евр. 9:12) и последовавшего спасения человека (5:9), ... и тела воскресения (2 Кор. 5:1), в других стихах называемого «бессмертным» (1 Кор. 15:53), в котором та жизнь найдет свое полное выражение (Мат. 25:46; Тит. 1:2) [1966, с. 43].

Тейер утверждал, что слово *aionios* означает «без конца, непрестанное, вечное» (1958, с. 112).

В богодухновенных словах о грядущей судьбе лжеучителей Иуда заверил христиан первого столетия, что искажающие истину **будут** наказаны. Чтобы пояснить свою мысль, он обратился к примеру Содомы и Гоморры (Быт. 19:24-25), «подвергшихся казни огня вечного» (ст. 7). Дж.Л. Лоулор таким образом комментировал пояснение Иуды:

Иуда говорит, что эти города, их грех и их ужасная гибель лежат перед нами как пример, *deigma*. Возможно, было бы лучше перевести это слово как «знак», то есть, как показывающее значение и значимость чего-либо, то есть, этого страшного греха и катастрофического суда со стороны Бога. Эти города были уничтожены огнем и серой, но их нечестивые жители даже сейчас подвергаются ужасным мукам вечного наказания. Эти города — пример, они лежат перед нами как знак, чтобы показать

несомненность божественного наказания в отношении жизни отступничества, ужас которого превосходит всякое описание (1972, с. 70).

Но что имел в виду Лоулорд, когда сказал, что жители Содомы и Гоморры «даже сейчас подвергаются ужасным мукам вечного наказания»? Мысль его такова. Греческое слово *hupochousai* («подвергшись») это причастие настоящего времени, и оно «показывает, что они испытывали «огонь вечный» даже тогда, когда Иуда писал эти слова! Основное значение настоящего времени в греческом языке, особенно в связи с причастной конструкцией, как в данном случае, это **длительное действие**» (Денхам, 1998, с. 607, выделено мной — Б.Т.). Исследователь греческого языка М.Р. Винсент писал по этому поводу: «Это причастие — настоящего времени, что указывает на то, что они страдают по сей день от наказания, которое было наложено на них во времена Лота» (1946, 1:340). Браун отмечал: «Эта грамматическая конструкция попросту означает, что Иуда говорит, что жители этих двух городов не только страдали, но и продолжают страдать. Какое предостережение тем, кто восстает против Бога!» (1999, с. 176).

Иудеи (и христиане из числа иудеев) времен Иуды поняли эту мысль, потому что они знали и понимали значение, придаваемое геенне. Альфред Эдершейм, который не имел равных как исследователь межзаветного периода в истории евреев, посвятил целую главу в своей монументальной работе «Жизнь и эпоха Иисуса-Мессии» («The Life and Times of Jesus the Messiah») раввинистическим и новозаветным доказательствам на предмет вечного наказания. Он пришел к выводу, что иудеи во времена Христа понимали геенну как место вечного, осознанного мучения для нечестивых (1971, с. 791-796). Известный историк религии Филип Шафф (1970, 2:136) сообщает, что за исключением саддукеев (которые не верили в воскресение ни праведников, ни нечестивых) иудеи во времена Христа последовательно придерживались точки зрения о личном, вечном, осознанном наказании — это обстоятельство имеет большое значение по следующей причине.

Во время Своего служения Иисус очень откровенно высказывался против того, что было неправильным или вводящим в заблуждение. В Евангелии от Матфея 22:23-33 Он сурово порицал саддукеев за ошибочные взгляды относительно отсутствия существования в будущем. Тем не менее, как отмечалось ранее, Он **никогда не выступал против** концепции иудеев о вечном наказании души. Если бы иудеи заблуждались относительно загробной

жизни, несомненно, Сын Божий исправил бы их публично, как это происходило во многих случаях, описанных в Новом Завете. Он **неоднократно подтверждал** эту концепцию. Его молчание говорит громче, чем многие тома!

Нет ада ... нет небес

Когда Иисус обращался к людям Своего времени со словами об окончательной судьбе человечества в вечности, Он утверждал, что нечестивые «пойдут в муку вечную (*aionios*), а праведники в жизнь вечную (*aionios*). В этом случае двойное употребление Господом слова *aionios* имеет крайне важное значение. К этому факту обратился Дж.У. Мак-Гарви со словами:

Какое бы значение ни было у этого греческого слова во второй части предложения, оно означает то же самое в первой, так как неизменное правило экзегетики состоит в том, что слово, повторенное таким образом в одном предложении, должно пониматься в одном и том же значении, если только контекст или суть темы не указывает на то, что присутствует игра слов. Несомненно, в данном контексте нет ничего, что указывало бы на малейшее различие в значении, мы также не можем ничего установить из сущности этой темы, что указывало бы на то, что продолжительность наказания, о котором идет речь, меньше, чем жизнь. Общеизвестно, что в выражении «вечная жизнь» это слово имеет всю полноту значения, и, следовательно, отрицать то, что в выражении «вечная мука» это слово имеет такое же значение, тщетно и абсурдно. Вечное наказание это то же самое, что вечный огонь в стихе 41. Это — наказание огнем, и его продолжительность — вечность (1875, с. 221-222).

Не может быть абсолютно никаких сомнений в том, что Господь имел в виду преподавание двух конкретных состояний осознанного существования в будущем. Фактически, как отмечал Джеймс Опп в «Международной стандартной библейской энциклопедии»: «Вся доктрина будущего суда в Новом Завете предполагает жизнь после смерти» (1956, 4:2502). В «Новом международном словаре новозаветного богословия» Иоаким Гурт утверждал, что, так как «жизнь Бога никогда не заканчивается, то есть, все принадлежащее ему также может никогда не прийти к своему концу, ... даже наказание должно быть названо *aionios*, вечным» (1978, с. 830,833). Гай Н. Вудс комментировал в том же духе: «Наш небесный Отец описан как «вечный Бог» (Рим. 14:25). Ад будет обиталищем для нечестивых, пока будет существовать сам Бог» (1985, 127[9]:278). Джордж Лэдд отмечал:

Прилагательное *aionios* само по себе не имеет качественного значения и не называется жизнью, отличную в чем-либо от человеческой жиз-

ни. Основное значение этого слова относится к понятию времени. Оно употребляется в отношении огня, наказания, греха и мест обитания; и такие случаи употребления означают **незаканчивающуюся продолжительность** (1974, с. 255, выделено мной — Б.Т.).

Но это лишь половина того, что хотел сказать Господь. Орт продолжил: «Здесь в точности одно и то же слово применяется к наказанию нечестивых, **что и к благословенности праведных**. ... Что бы ни включало это слово, оно указывает на длительность» (1956, 4:2502, выделено мной — Б.Т.). Рассматривая определение и значение слова *aionios* в «Богословском словаре Нового Завета», Герман Сасс отметил, что, когда это слово употребляется «как термин для эсхатологических ожиданий», если оно передает значение «вечность» в отношении награды праведников, оно также должно передавать «значение «непрестанности» или «бесконечности» (1964, 1:209). Следовательно, «как долго праведные будут иметь благословенность **вечной** жизни, точно так же долго нечестивые будут страдать от **вечного** наказания ...» (Денхам, 1998, с. 615, выделено в оригинале).

В увлекательной книге «Исследование темы ада — в защиту вечного наказания» («Hell on Trial — The Case for Eternal Punishment») Роберт Петерсон написал следующие слова: «Иисус ставит судьбы нечестивых и праведных бок о бок. ... Параллелизм безошибочно указывает на такое значение: как наказание нечестивых, так и блаженство благочестивых длится вечно» (1995, с. 196). Об этом же сказал Гэри Уоркман, когда отметил:

Новозаветные авторы употребили слова *aion* и *aionios* 141 раз, когда говорили о вечности, чтобы передать идею непрестанности, бесконечности и постоянства. Если это слово означает «без конца», когда применяется к будущей благословенности спасенных, оно также должно означать «без конца», когда описывает будущее наказание погибших духовно (1992, 23[3]:33).

Бентон говорит подробно:

Одно и то же слово *aionios*, «вечный», употребляется для описания как небес, так и ада. Если мы примем такую позицию, что ад способен иметь предел, тогда, чтобы сохранить последовательность, мы должны верить, что это же верно в отношении небес. Но, исходя из оставшейся части Библии, это просто не так. Небеса — **навсегда**. Мы должны остаться с простым значением слова «вечный». Как небеса, так и ад не имеют конца (1985, с. 55, выделено в оригинале).

Эти авторы правы. Тот факт, что Христос особо подчеркнул слово *aionios*, повторив его в одном и том же предложении, требует, чтобы мы «остались с простым значением этого слова». Хоэкема пришел к следующему выводу:

Слово *aiōnios* означает бесконечный, когда применяется к будущей благословенности верующих. Отсюда должно следовать, при отсутствии очевидных свидетельств обратного, что это слово также означает бесконечный, когда употребляется для описания будущего наказания погибших духовно. ... Следовательно, наказание, которому подвергнутся погибшие духовно после этой жизни, будет таким же бесконечным, как и будущее счастье народа Божьего (1982, с. 270).

Те, кто желает принять учение Христа о небесах, должны без труда принять Его учение об аде. Тем не менее, это происходит не со всеми. Их отказ принять библейское учение о вечной сущности наказания для нечестивых, однако, имеет последствия. Джон Бентон подвел точный итог такой ситуации.

Пренебрежение доктриной вечного осуждения может заставить нас сомневаться в вечном спасении. ... Хотя главы 21-22 Книги Откровения провозглашают окончательную судьбу нечестивых — существование огненного озера (21:8) и исключение из города Божьего (22:15) — эти главы гораздо более громко возвещают об окончательной судьбе искупленных (1995, с. 217).

Но имеет ли **на самом деле** значение то, во **что** верит человек в этом отношении? Уэйн Джексон ответил на этот вопрос: «Те, кто утверждает, что нечестивые будут уничтожены, заблуждаются. Но имеет ли этот вопрос значение? Да. **Любая теория, которая недооценивает все последствия мятежа против Бога должна быть чрезвычайно опасной**» (1998, 33[9]:35, выделено мной — Б.Т.).

Так как небеса и ад описаны в Библии посредством одной и той же терминологии, если оставить наставление Господа и Его богодухновенных авторов по поводу вечного ада, то сколько пройдет времени перед тем, как будет оставлено библейское наставление о вечной сущности небес? Разве мы прежде не были свидетелями последствий такого рода мышления? Те, кто начали поступаться принципами относительно первой главы Книги Бытия, в конечном итоге пошли на компромисс в случае с другими важными аспектами библейского учения (например, библейские чудеса, непорочное зачатие Христа, воскресение Господа в теле и пр.). Для многих отрицание библейской концепции вечности ада вполне может представлять собой первые шаги на скользкой дороге, которая в конечном итоге приведет к компромиссу в других вопросах Писания. Несомненно, было бы гораздо лучше повторить прочувствованные слова Иисуса Навина, когда он сказал израильтянам, что хотя они были свободны верить в то, во что им хотелось верить, и действовать так, как им захочется, «а я и дом мой будем служить Господу» (Иис. Н. 24:15).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части данной серии статей подробно говорилось о концепции душ нечестивых, населяющих вечный ад, но относительно мало было сказано о концепции душ праведных, населяющих вечные небеса. На самом деле, это не должно быть удивительным. Сама идея ада встретила яростное сопротивление — по веским причинам. Никто не **хочет** оказаться в аду. Таким образом, учение Благой Книги о небесах принимается с большей готовностью, чем ее учение об аде.

Однако, очень простой факт этой проблемы состоит в том, что Бог сотворил человека как дихотомическое существо, состоящее из тела и души. Когда в конце концов мы все «сбросим этот **бренный шум**» (цитируя Шекспира, перевод М. Лозинского), наши **бессмертные** души вернуться к Богу, Который дал их (Еккл. 12:7). Конечно, атеизм всегда энергично возражал против концепции «жизни после смерти». Сама эта идея кажется неверующим абсурдной, такой же она показалась царю Агриппе в первом столетии, когда Павел спросил этого монарха-язычника: «Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?» (Деян. 26:8).

Действительно, почему должно быть трудно поверить в то, что всемогущий Бог может воскрешать мертвых? Насколько трудно было бы Богу, Который сотворил эту Вселенную и все, что в ней, за шесть дней и Который держит «все словом силы Своей» (Евр. 1:3), воскресить мертвых? Как заметил однажды Блез Паскаль, знаменитый французский философ: «Я не вижу большей трудности в том, чтобы поверить в воскресение мертвых, чем в сотворение мира. Легче ли воспроизвести человеческое тело, чем создать его вначале?» (процитировано Оттенем, 1988, с. 40).

В Книге Откровения незабываемыми словами апостол Иоанн описал судьбу праведных, когда этот мир придет к своему концу: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (Отк. 21:3). За тысячи лет до этого обещание Бога, данное Аврааму, предсказало именно такие отношения завета. Моисей записал: «И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя» (Быт. 17:7). Павел говорил о том факте, что «если же вы Христовы, то вы семья

Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3:29), и называл тех, кто верно служит Христу, «по упованию ... наследниками вечной жизни» (Тит. 3:7). Иаков ликовал от того, что «богатые верой» будут «наследниками Царствия, которое Бог обещал любящим Его» (Иак. 2:5). Автор Послания к Евреям говорил о Христе, что Он «сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (5:9).

Несомненно, именно это имел в виду Иоанн, когда он продолжил в двадцать первой главе Книги Откровения: «Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» (ст. 7). Бог будет Отцом тому мужчине или той женщине, которая проявит веру в него, сохранит верность до конца и будет жить в смиренной покорности Его божественной воле. Именно в этом заключается обещание сыновства, данное верующим. Бог будет приветствовать тех, кто верит и повинуется Его Сыну, как «наследников Божьих, сонаследников Христу» (Рим. 8:17) и — в согласии с Его обещанием — одарит их всеми сокровищами и благословениями небес.

Однако в следующем стихе Иоанн нарисовал совершенно иную картину, когда описывал окончательную судьбу нераскаившихся нечестивцев:

Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою; это — смерть вторая (Отк. 21:8).

Какие диаметрально противоположные альтернативы — наслаждаться вечным счастьем как сын или дочь Бога или испытывать вечную боль в «озере, горящем огнем и серою»!

Конечно, благая весть состоит в том, что никто не **обязан** отправляться в ад. Когда Христос был принесен как выкуп за нас (1 Тим. 2:6), Он заплатил такой долг, который был не Его и который мы не смогли бы заплатить, для того чтобы мы могли жить вечно в присутствии нашего Создателя (Мат. 25:46). Бог не радуется смерти нечестивых (Иез. 18:23; 33:11). И нам не следует этого делать. Как красноречиво сказал один автор: «Только тот, кого самого спасли из огня, не может чувствовать по отношению к погибшим духовно ничего, кроме сострадания и заботы» (Вудсон, 1973, с. 32).

Когда мы начинаем понимать как отвратительную сущность нашего греха, так и отчуждение от Бога, которое происходит в результате этого греха, мы не только должны проявить ревностное желание спастись от «рода сего развращенного» (Деян. 2:40),

но мы также должны страстно желать предупреждать нечестивых о надвигающейся на них гибели (Иез. 3:17-19).

БИБЛИОГРАФИЯ

Arndt, William and F.W. Gingrich (1957), *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature* (Chicago, IL: University of Chicago Press).

Barclay, William (1967), *The Plain Man Looks at the Apostles' Creed* (London: Collins).

Bauer, W., W.F. Arndt, F.W. Gingrich, and F. Danker (1979), *A Greek Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature* (Chicago, IL: University of Chicago Press).

Baylis, Charles (1967), «Conscience,» *The Encyclopedia of Philosophy*, ed. Paul Edwards (New York: Macmillan), 1/2:189-191.

Benton, John (1985), *How Can a God of Love Send People to Hell?* (Welwyn, Hertfordshire, England: Evangelical Press).

Brown, David P. (1999), «Annihilation in Hell Error,» *God Hath Spoken Affirming Truth and Reproving Error*, ed. Curtis Cates (Memphis, TN: Memphis School of Preaching), pp. 161-178.

Brown, Francis, S.R. Driver, and Charles Briggs (1907), *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament* (London; Oxford University Press).

Brunner, Emil (1954), *Eternal Hope* (Philadelphia, PA: Westminster).

Carson, Herbert M. (1978), *The Biblical Doctrine of Eternal Punishment*, Cary Conference Paper.

Carter, Tom (1988), *Spurgeon at His Best* (Grand Rapids, MI: Baker).

Clayton, John (1990a), «Book Reviews,» *Does God Exist?*, 17[5]:20-21, September/October.

Clayton, John (1990b), *The Source: Eternal Design or Infinite Accident?* (South Bend, IN: Privately published by author).

Clayton, John (1991), *Does God Exist? Christian Evidences Intermediate Course Teacher's Guide* (South Bend, IN: Privately published by author).

Davidson, Benjamin (1970 reprint), *The Analytical Hebrew and haldee Lexicon* (Grand Rapids, MI: Zondervan).

Denham, Daniel (1998), «Will the Wicked Really be Punished with Eternal Fire?,» *Studies in 1,2 Peter and Jude*, ed. Dub McClish (Denton, TX: Valid Publications), pp. 601-627.

Ealey, Gary (1984), «Biblical Doctrine of Hell,» *The Biblical Doctrine of Last Things*, ed. David L. Lipe (Kosciusko, MS: Magnolia Bible College), pp. 20-28.

Earle, Ralph (1986), *Word Meanings in the New Testament* (Grand Rapids, MI: Baker).

Edersheim, Alfred (1971 reprint), *The Life and Times of Jesus the Messiah* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).

Ferguson, Jesse B. (1852), *Christian Magazine*, July.

Ferguson, Kitty (1994), *The Fire in the Equations: Science, Religion, and the Search for God* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).

Flew, Antony G.N. and Thomas B. Warren (1977), *Warren-Flew Debate* (Jonesboro, AR: National Christian Press).

- Foster, R.C. (1971 reprint), *Studies in the Life of Christ* (Grand Rapids, MI: Baker).
- Fudge, Edward W. (1982), *The Fire That Consumes* (Houston, TX: Providential Press).
- Gesenius, William (1979 reprint), *Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament* (Grand Rapids, MI: Baker).
- Guhrt, Joachim (1978), «Time,» *The New International Dictionary of New Testament Theology*, ed. Colin Brown (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Harris, R.L., G.L. Archer, Jr., and B.K. Waltke (1980), *Theological Wordbook of the Old Testament* (Chicago, IL: Moody).
- Henry, Carl F.H. (1967), *Evangelicals at the Brink of Crisis: Significance of the World Congress on Evangelism* (Waco, TX: Word).
- Hoekema, Anthony (1982), *The Bible and the Future* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).
- Hoekema, Anthony (1986), *Created in God's Image* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).
- Hoyles, Arthur J. (1957), «The Punishment of the Wicked after Death,» *London Quarterly and Holborn Review*, April.
- Jackson, Wayne (1987), «Debate Challenge Withdrawn,» *Christian Courier*, 23[8]:31, December.
- Jackson, Wayne (1991), «The Origin and Nature of the Soul,» *Christian Courier*, 27[5]:19, September.
- Jackson, Wayne (1993), «Changing Attitudes Toward Hell,» *Whatever Happened to Heaven and Hell?* ed. Terry E. Hightower (San Antonio, TX: Shenandoah Church of Christ), pp. 63-67.
- Jackson, Wayne (1998), «The Use of "Hell" in the New Testament,» *Christian Courier*, 33[9]:34-35, January.
- Jastrow, Robert (1982), «A Scientist Caught Between Two Faiths,» Interview with Bill Durbin, *Christianity Today*, August 6.
- Ladd, George Eldon (1974), *A Theology of the New Testament* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).
- Lake, D.M. (1976), *Zondervan Pictorial Encyclopedia of the Bible*, ed. Merrill C. Tenney (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Lawlor, George Lawrence (1972), *The Epistle of Jude* (Nutley, NJ: Presbyterian and Reformed).
- Lenski, R.C.H. (1966), *The Interpretation of I and II Epistles of Peter, the Three Epistles of John, and the Epistle of Jude*, (Minneapolis, MN: Augsburg).
- Lewis, C.S. (1952), *Mere Christianity* (New York: Macmillan).
- Lewis, C.S. (1966), *Letters Malcolm, Chiefly on Prayer* (London: Fontana Books).
- Lewis, Jack P. (1988), «Living Soul,» *Exegesis of Difficult Passages* (Searcy, AR: Resource Publications).
- Lewis, Joseph (1983), *Ingersoll the Magnificent* (Austin, TX: American Atheist Press).
- Marais, J.L. (1956), «Spirit,» *International Standard Bible Encyclopedia*, ed. James Orr (Grand Rapids, MI: Eerdmans), 5:2837-2838.
- Mayberry, Thomas C. (1970), «God and Moral Authority,» *The Monist*, January.
- McCord, Hugo (1979), «The State of the Dead,» *Firm Foundation*, 96[4]:6,12, January 23.
- McCord, Hugo (1995), «What is the Soul?,» *Vigil*, 23[11]:87-88, November.

- McGarvey, J.W. (1875), *Commentary on Matthew-Mark* (Delight, AR: Gospel Light), reprint.
- Morey, Robert A. (1984), *Death and the Afterlife* (Minneapolis, MN: Bethany House).
- Nielsen, Kai (1973), *Ethics Without God* (London: Pemberton).
- Orr, James (1956), «Punishment,» *International Standard Bible Encyclopedia*, ed. James Orr (Grand Rapids, MI: Eerdmans), 4:2501-2504.
- Otten, Herman J. (1988), *Baal or God?* (New Heaven, MO: Christian News Publications), revised edition.
- Peterson, Robert A. (1995), *Hell on Trial — the Case for Eternal Punishment* (Phillipsburg, NJ: P&R).
- Pinnock, Clark (1987), «Fire, Then Nothing,» *Christianity Today*, March 20.
- Rice, Tim (1987), «Is Hell Eternal in Nature?,» *Vigil*, 15[1]:5-6, January.
- Robinson, John A.T. (1949), «Universalism — Is It Heretical?,» *Scottish Journal of Theology*, June.
- Rudin, Norah (1997), *Dictionary of Modern Biology* (Hauppauge, NY: Barrons).
- Russel, Bertrand (1967), *Why I am Not a Christian* (New York: Simon & Schuster).
- Russel, Bertrand (1969), *Autobiography* (New York: Simon & Schuster).
- Sartre, Jean Paul (1961), «Existentialism and Humanism,» *French Philosophers from Descartes to Sartre*, ed. Leonard M. Marsak (New York: Meridian).
- Sartre, Jean Paul (1966), «Existentialism,» Reprinted in *A Casebook on Existentialism*, ed. William V. Spanos (New York: Thomas Y. Crowell).
- Sasse, Herman (1964), «*Aion, Aionios,*» *Theological Dictionary of the New Testament*, ed. Gerhard Kittel (Grand Rapids, MI: Eerdmans), 1:208-209.
- Schaff, Phillip (1970 reprint), *History of the Christian Church* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).
- Simpson, George Gaylord (1951), *The Meaning of Evolution* (New York: Mentor).
- Smith, F. LaGard (1988), *A Christian Response to the New Age Movement*, Audio taped lecture presented at Pepperdine University, Malibu, California.
- Stacey, John (1977), *Sermons on Heaven and Hell* (Rutherford, TN: Stacey Publications).
- Stevens, David (1991), «The Place of Eternal Punishment,» *Therefore Stand*, 7[3]:21-22, March.
- Taylor, A.E. (1945), *Does God Exist?* (London: Macmillan).
- Taylor, Robert R., Jr. (1985), *Challenging Dangers of Modern Versions* (Ripley, TN: Taylor Publications).
- Thayer, J.H. (1958 reprint), *A Greek-English Lexicon of the New Testament* (Edinburgh: T. & T. Clark).
- Thiele, Gilbert (1958), «Easter Hope,» *The Seminarian*, March.
- Thompson, Bert (1995a), «The Case for the Existence of God — [Part I],» *Reason and Revelation*, 15:33-38, May.
- Thompson, Bert (1995b), «The Case for the Existence of God — [Part II],» *Reason and Revelation*, 15:41-47, June.
- Thompson, Bert and Wayne Jackson (1982), «The Revelation of God in Nature,» *Reason and Revelation*, 2:17-24, May.
- Thompson, Bert and Wayne Jackson (1992), *A Study Course in Christian Evidences* (Montgomery, AL: Apologetics Press).
- Vincent, M.R. (1946), *Word Studies in the New Testament* (Grand Rapids, MI: Eerdmans).

Vine, W.E. (1966), *An Expository Dictionary of New Testament Words* (WestWood, NJ: Revell).

Vine, W.E. (1991), *Amplified Expository Dictionary of New Testament Words* (Iowa Falls, IA: World).

Vos, Geerhardus (1956), «Gehenna,» *International Standard Bible Encyclopedia*, ed. James Orr (Grand Rapids, MI: Eerdmans).

Wallace, Robert A. (1975), *Biology: The World of Life* (Pacific Palisades, CA: Goodyear).

Warren, Thomas B. (1992), *Immortality — All of Us Will be Somewhere Forever* (Moore, OK: National Christian Press).

Whitelaw, Robert L. (1991), *Can There be Eternal Life Apart from Christ?* (Sterling, VA: GAM Publications).

Woods, Guy N. (1980), «What is the Difference Between the Soul and the Spirit of Man?,» *Gospel Advocate*, 122[6]:163, March 20.

Woods, Guy N. (1985), «Do the Scriptures Teach that the Wicked are to Experience Endless Suffering in Hell?,» *Gospel Advocate*, 127[9]:278, May 2.

Woods, Guy N. (1985), «What is the Soul of Man?,» *Gospel Advocate*, 127[22]:691-692, November 21.

Woodson, Leslie (1973), *Hell and Salvation* (Old Tappan, NJ: Revell).

Workman, Gary (1992), «Is There An Eternal Hell?,» *Spiritual Sword*, 23[3]:30-34, April.

Workman, Gary (1993), «Will the Wicked Be Eternally Punished or Annihilated?,» *Whatever Happened to Heaven and Hell?*, ed. Terry E. Hightower (San Antonio, TX: Shenandoah Church of Christ), pp. 495-503.

Young, Edward J. (1965), *Psalms 139* (London: The Banner of Truth Trust).

Zerr, E.M. (1952), *Bible Commentary* (Bowling Green, KY: Guardian of Truth Foundation).

Берт Томпсон

НАУЧНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СОТВОРЕНИЯ

Посвящение

Эта работа посвящается Уэйну Джексону — моему коллеге по работе в «Аполоджетикс Пресс» — чья эрудиция обогатила мою жизнь, чья преданность Делу стала таким превосходным примером, и чья дружба стала одним из моих самых ценных приобретений на земле.

ВСТУПЛЕНИЕ

Существуют два фундаментально различных и диаметрально противоположных объяснения происхождения Вселенной, происхождения жизни в этой Вселенной и происхождения новых видов различных форм жизни. Каждое из этих объяснений — космогония, целое мировоззрение, или философия, о происхождении и судьбах, жизни и ее смысле. Одно из таких воззрений на мир есть концепция **эволюции**. В соответствии с теорией эволюции, или, ее более правильным названием, эволюционной модели, Вселенная **самодостаточна**. Все во Вселенной начало существовать посредством механистических процессов без какого-либо сверхъестественного вмешательства. Эта точка зрения утверждает, что происхождение и развитие Вселенной и всех ее сложных систем (сама Вселенная, живые организмы за исключением человека, сам человек и т.п.) можно целиком объяснить на основе времени, вероятности и продолжающихся естественных процессов, присущих самой структуре материи и энергии.

В соответствии с этой теорией, все живые существа произошли от одноклеточного организма, который, в свою очередь, вышел из неживого, неорганического мира. Эту теорию можно назвать «Общей теорией эволюции» по предложению Г.А. Керкута, знаменитого британского эволюциониста и физиолога, который описал ее, как «... теория о том, что все формы живого в этом мире произошли от одного источника, который сам вышел из неорганического мира» (1960, с. 157).

Второе альтернативное и противоположное мировоззрение есть концепция **сотворения**. В соответствии с теорией сотворения

(креационизмом), или, ее более верным названием, креационистской моделью, Вселенная **не является самодостаточной**. Все во Вселенной, включая, по сути дела, и саму Вселенную, начало свое существование посредством замысла, предназначения и сознательных деяний сверхъестественного Творца, Который, используя процессы, не существующие как естественные процессы в настоящем, сотворил Вселенную, Землю и всю жизнь на Земле, включая все основные виды растений и животных, также как и человека.

По мнению различных авторов, — как эволюционистов (см. Вальд, 1979, с. 289), так и креационистов (см. Уайсонг, 1976, с. 5), — возможны два и только два объяснения происхождения всего. Одна либо другая из этих двух философий (или, моделей) должна быть верной. То есть, все либо может, либо не может быть объяснено, по крайней мере, отчасти, с точки зрения происходящих сейчас естественных процессов в самодостаточной Вселенной. Если это возможно, то эволюция верна. Если нет, то все должно найти разъяснение, по крайней мере, отчасти, в сверхъестественных процессах, могущих объяснить Вселенную, которая сама была сотворена. Генри Моррис и Гэри Паркер отмечали по этому поводу в своей работе «Что такое наука сотворения?» (*What Is Creation Science?*):

Однако, факт состоит в том, что есть **только две** возможные модели происхождения, эволюция или сотворение Либо пространство/масса/время вселенной вечны, либо нет. Если это так, то эволюция есть истинное объяснение различных компонентов этой вселенной. Если нет, то ее должен был сотворить Творец. Это две единственные возможности — попросту говоря, либо это произошло случайно (случай) ... **либо нет** (замысел) Есть только две возможности. Может быть множество эволюционных подмоделей ... и различные креационистские подмодели ..., но могут быть только две базовые модели — эволюция или сотворение (1987, с. 190, выделено в оригинале).

Применялись различные термины для обозначения двух концепций о началах — сотворение против эволюции, замысел против случайности, теизм против натурализма/ материализма и т.п. — но в конечном итоге все эти словосочетания попросту по-разному выражают все те же две основные альтернативы.

В стремлении предложить третью альтернативу некоторые выдвигали «теистическую эволюцию» (также известную как «смягченная эволюция» или «религиозная эволюция»), которая принимает в качестве постулата как Создателя, так и эволюционный сценарий. Эволюционисты часто спрашивают креацио-

нистов: «Чью историю сотворения вы хотите преподавать — буддистскую? индуистскую? христианскую? какую-то еще?» Конечно, фактом остается то, что либо есть Создатель, либо Его нет. Этот вопрос должен быть решен, и не имеет значения, хочет человек прибегнуть к теистической эволюции или нет. И поэтому обращение к теистической эволюции как возможной «третьей альтернативе» в полемике о происхождении мира не даст ответов на основные вопросы этого спора. Также необходимо напомнить эволюционистам, что космогонии буддистов, индусов, таоистов, конфуцианцев и т.п. основаны на эволюции. Космогонии ортодоксальных евреев, мусульман и христиан основываются на сотворении. Любой, кто потратит время и усилия для изучения этой проблемы, придет к пониманию нелогичной, противоречивой сущности теистической эволюции и родственных ей представлений (см. Томпсон, 1977, 1995). Может быть множество эволюционных подмоделей (например, различные механизмы, скорости или последовательности) и различные креационистские подмодели (например, даты или события сотворения), но в любом случае остаются только две основные модели — сотворение и эволюция.

Как эволюция, так и сотворение вполне уместно можно называть научными моделями, так как обе они могут использоваться для объяснения и предсказания научных фактов. Очевидно, что та из них, которая лучше объясняет и предсказывает, и есть лучшая научная модель. Однако, исходя из самой сущности того, как действует наука, то, что одна модель лучше соответствует фактам, не доказывает ее истинности. Скорее, о той модели, которая наилучшим образом соответствует имеющимся в наличии научным данным, говорят, что ее истинность имеет самую высокую степень вероятности. Хорошо осведомленные ученые, конечно, это понимают и с готовностью принимают это, осознавая ограничения научного метода (ввиду его большой зависимости от индуктивного, а не дедуктивного мышления).

Для надлежащего исследования этих двух моделей, следует дать широкое, общее определение каждой из них, а затем следует сравнить каждую с имеющимися в наличии данными, чтобы исследовать ее эффективность в объяснении и предсказании различных научных фактов. Затем следует сделать выводы о том, что предсказывают и/или предполагают две различные модели.

Эволюционная модель включает свидетельства из различных областей науки в пользу постепенного появления нынешних живых существ на протяжении огромных периодов времени, с появлением сложных и разнообразных форм жизни из «более простых» форм, а изначально — из неживой материи. **Креационистская модель** включает свидетельства из различных областей науки в пользу внезапного сотворения сложных и разнообразных форм жизни, с глубокими отличиями между различными родами и генетическими вариациями внутри каждого вида. Креационистская модель отрицает «вертикальную» эволюцию (называемую также «макроэволюцией» — происхождение сложного от простого и изменения между родами), но не оспаривает «горизонтальную» эволюцию (также называемую «микроэволюцией» — образование видов или подвидов внутри сотворенных родов, или генетические изменения). При определении концепций сотворения и эволюции исследование нескольких различных аспектов каждой из этих моделей демонстрирует дихотомическое разделение между ними. Это сопоставление представлено в виде таблицы.

Таблица 1.

Две модели происхождения мира (по Гишу и др., 1981).

Креационистская модель включает научные свидетельства и относящиеся к ним выводы, предполагающие, что:	Эволюционная модель включает научные свидетельства и относящиеся к ним выводы, предполагающие, что:
I. Вселенная и солнечная система были сотворены внезапно.	I. Вселенная и солнечная система появились в результате натуралистических процессов.
II. Жизнь была сотворена внезапно.	II. Жизнь зародилась из неживого посредством натуралистических процессов.
III. Все ныне существующие классы животных и растений остаются неизменными со времени сотворения, исключая вымершие, и генетические изменения в первоначально сотворенных классах происходили только в ограниченных пределах.	III. Все нынешние виды произошли от более простых, ранее существовавших видов, при этом одноклеточные организмы развились в беспозвоночных, затем в земноводных, затем в рептилии, затем в млекопитающих, затем в приматов, включая человека.
IV. Мутации и естественный отбор были неспособны произвести появление нынешних сложных видов из простейших первобытных организмов.	IV. Мутации и естественный отбор произвели появление нынешних форм жизни из простейших первобытных организмов.

V. Люди и человекообразные обезьяны имеют отдельное происхождение.

VI. Геологические черты Земли, как представляется, были оформлены в основном быстрыми, катастрофическими процессами, которые воздействовали на Землю на глобальном и местном уровнях (теория катастроф).

VII. Начало Земли и живых существ было положено сравнительно недавно.

V. Люди и человекообразные обезьяны имеют общего предка.

VI. Геологические черты земли формировались в основном медленными, постепенными процессами, с редкими катастрофическими событиями, ограниченными местными масштабами (униформизм).

VII. Начало Земли и затем жизни произошло несколько миллиардов лет назад.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛЕМИКИ ПО ВОПРОСУ «СОТВОРЕНИЕ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ»

Вопрос сотворения/эволюции вряд ли можно назвать незначительной проблемой, которая заботит только кучку ученых с одной стороны или кучку религиозных деятелей с другой. Тем или иным образом этот вопрос пронизывает каждую область научного изучения и каждый аспект жизни нации. Он имеет отношение к двум противоположным мировоззрениям. Следовательно, он представляет интерес (или должен представлять интерес) для каждого человека. Немногие сомневаются в том, что за последние годы эта полемика ужесточилась. Различные американские штаты рассматривали введение или попытались ввести законы, запрещающие преподавание научных свидетельств только одной теории происхождения мира. Эволюционисты пишут книги, наступающие на креационистские взгляды; креационисты пишут книги, наступающие на эволюционные взгляды. В это оказались вовлеченными средства массовой информации. Также были вовлечены национальные научные ассоциации, ассоциации учителей и политические организации. Полемика нарастает, если не сказать больше. И обе стороны признают, что она вряд ли пройдет сама собой. Как это сформулировал один эволюционист, комментируя нынешний подъем креационизма в Америке: «Состояние общественного мнения сегодня указывает на то, что эта проблема еще очень долго будет с нами ...» (Мур, 1981, с. 1). Действительно, эта «проблема» еще очень долго **будет** с нами.

Было время, когда креационисты и их аргументы по большей части игнорировались научным сообществом. Однако, теперь все

изменилось. И появились обоснованные причины, почему ученые-эволюционисты обеспокоились настолько, чтобы рассматривать сотворение как угрозу. Например, в 1980 году опросы Института Гэллапа показали, что более половины населения Соединенных Штатов верили в буквально существовавших, особо сотворенных Адама и Еву как прародителей всего человеческого рода. В 1981 году опрос, проведенный агенством «Ассошиейтед Пресс» и компанией «ЭнБиСи Ньюз», выявил, что 86% опрошенных хотели, чтобы сотворение преподавалось в государственных школах наряду с эволюцией. В августе 1982 года опрос Института Гэллапа показал, что 44% (то есть, почти половина) населения верила не просто в сотворение, но в недавнее сотворение, которое произошло не более 10 000 лет назад (см. Моррис, 1982b, с. 12,130,164; см. также San Diego Union, 1982). Поразительно, что по прошествии десяти лет (а в некоторых случаях, более десяти лет) эти цифры изменились незначительно. 28 ноября 1991 года были опубликованы результаты дополнительного опроса Института Гэллапа. Согласно данным опроса, 47% респондентов признали свою веру в недавнее сотворение человека; только 9% выразили веру в исключительно натуралистическую форму эволюции (см. Моррис, 1992, с. d). Два года спустя еще один опрос Института Гэллапа (проведенный в 1993 году) показал практически такие же результаты. Среди респондентов 47% заявили, что они верят в недавнее сотворение человека; 11% выразили веру в исключительно натуралистическую форму эволюции (см. Ньюпорт, 1993, с. А-22).

Эти результаты стали неожиданностью для эволюционистов, которые ожидали всеобщего согласия с эволюционной теорией в свете многих десятилетий внедрения в школах, учебниках и средствах массовой информации того, что эволюция это «факт» и что земле многие миллиарды лет. Поэтому совершенно неудивительно, что многие эволюционисты начинают испытывать беспокойство в связи с положением креационизма.

Ученые-эволюционисты как «креационисты поневоле»?

Нет сомнений, новость о том, что такое множество людей сегодня верит в креационизм, шокировала эволюционистов. Но теперь, как бы добавляя соли в открытую и кровоточащую рану,

некоторые «бегут» из эволюционистского лагеря. Гэри Паркер в написанном им разделе книги «Что такое наука сотворения?» (*What Is Creation Science?*) утверждал:

Однако, свидетельства в пользу **сотворения** не основаны на воображении. Напротив, сотворение основывается на **логических выводах** из наших **научных наблюдений** и на простом признании того, что любой, будь то ученый или обычный человек, осознает, что определенные виды замысла предполагают сотворение ... Согласно сотворению, живые существа **действуют** понятным образом, который можно описать с точки зрения научных законов — но эти наблюдения включают качества организации, логически предполагающие сотворенное происхождение жизни.

Следовательно, креационист признает упорядоченность, которую виталист не видит. Но он не ограничивается только теми видами порядка, которые происходят от времени, случайности и свойств материи, как это делает эволюционист. Сотворение вводит уровни порядка и организации, которые значительно обогащают круг доступных исследований гипотез и превращают изучение жизни в мечту ученого.

Если свидетельства в пользу сотворения жизни ясны настолько, какими я их объявляю, то другие ученые, даже те из них, которые являются эволюционистами, должны это увидеть — и они видят (Моррис и Паркер, 1987, с. 47, выделено в оригинале).

Они видят? Даже эволюционисты? Очевидно, что так. Например, давайте рассмотрим следующее. 5 ноября 1981 года Колин Паттерсон, старший палеонтолог Британского музея естественной истории в Лондоне и один из самых выдающихся экспертов эволюции, направил приветственный адрес своим коллегам-эволюционистам в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. В этой речи доктор Паттерсон поразил своих коллег, утверждая, что уже полтора года он рассматривает не-эволюционные или антиэволюционные теории. Он описал это сам:

Однажды утром я проснулся, и что-то произошло ночью, и меня осенило, что я работал над этим двадцать лет и совершенно ничего об этом не знал. Это большое потрясение, узнать, что можно так долго заблуждаться. Либо что-то было не так со мной, либо с теорией эволюции (1981).

Доктор Паттерсон сказал, что он знал, что с ним было все в порядке, поэтому он начал задавать различным людям и группам простой вопрос: «Можете ли вы сказать мне хоть что-нибудь, известное вам об эволюции, хоть что-нибудь, что было бы правдой? Я задавал этот вопрос геологам Музея естественной истории Филда, и единственным ответом было молчание.» Он задавал его на Семинаре эволюционной морфологии в Чикагском университете, очень престижном собрании эволюционистов,

и все, чего ему удалось там добиться, «было долгое молчание, и, наконец, один человек сказал: «Я знаю только одно — это нельзя преподавать в старших классах». Затем он заметил: «Действительно представляется, что уровень знаний об эволюции удивительно низок. Мы знаем, что это не следует преподавать в старших классах школы, и это все, что мы об этом знаем.»

Доктор Паттерсон продолжал: «Затем я очнулся и понял, что всю свою жизнь я, как простофиля, воспринимал эволюцию как своего рода явленную истину.» Но, что более важно, он назвал эволюцию «анти-теорией», производящей «анти-знание». Он также утверждал, что «объяснительная ценность этой гипотезы равна нулю», и что эволюционная теория это «пустота, которая функционирует как знание, но не передает его». По словам Паттерсона, «Мне кажется, что следствие гипотезы об общем происхождении в систематике было не просто утомительным, не просто недостатком знания, я думаю, что это было, несомненно, анти-знание» (1981).

Доктор Паттерсон дал понять, что он не питает большой любви к позиции креационистов, и мы желаем подчеркнуть это здесь. Однако, теперь он считает себя анти-эволюционистом. Это довольно разительная перемена для человека, который стал автором нескольких книг в той области, которую сейчас называет «анти-знанием».

Колин Паттерсон не единственный, кто теперь выражает такие воззрения. Несколько лет назад выдающийся британский астроном сэр Фред Хойл подчеркнул серьезные трудности с точки зрения термодинамики, которые возникают у теорий натуралистического происхождения жизни на Земле. В 1981 году доктор Хойл написал:

Я не знаю, сколько понадобится времени, чтобы астрономы в общем признали, что высокомолекулярная структура ни одного из многих тысяч биополимеров, от которых зависит жизнь, не могла произойти здесь на Земле в результате естественных процессов. Астрономам будет несколько трудно это понять, потому что биологи станут их уверять, что это не так, а биологов в этом, в свою очередь, уверил кто-то другой. «Другие» это группа людей, которые довольно откровенно верят в математические чудеса. Они защищают веру в то, что где-то в укромном уголке природы, вне обычных законов физики, есть закон, совершающий чудеса (при условии, что чудеса входят во вспомогательные средства биологии). Это любопытное заявление странным образом покоится на утверждении, которое долгое время было посвящено поискам логических объяснений библейских чудес Однако, на самом деле все как

раз наоборот у современных чудотворцев, которые, как оказывается, всегда живут на сумеречной окраине термодинамики» (1981a, с. 526).

Фактически, доктор Хойл очень живописно описал эволюционную концепцию о том, что беспорядок дает начало порядку. Он сказал, что «вероятность того, что высшие формы жизни появились именно таким образом, сравнимы с вероятностью того, что торнадо, пролетая по мусорной куче, соберет «Боинг-747» из находящихся там материалов» (1981b, с. 105). Чтобы в точности прояснить свою позицию, он привел своим читателям следующую аналогию:

В любом случае, всякий, кто имел хотя бы краткое знакомство с кубиком Рубика, будет утверждать практическую невозможность того, что слепой человек, наобум передвигая стороны кубика, сможет правильно его собрать. Теперь представьте себе 10^{50} слепых людей, каждый с кубиком рубика, и попытайтесь вообразить шансы того, что все они **одновременно** закончат его собирать. У вас получатся шансы того, как при беспорядочном перемещении может получиться только один из многих полимеров, от которых зависит жизнь. Представление о том, что не только биополимеры, но и операционная программа живой клетки могли появиться случайно в первобытной органической жиже здесь на земле, это, несомненно, нонсенс самого высокого порядка (1981a, с. 527, выделено в оригинале).

Хойл и его коллега Чандра Викрамасингх (профессор астрономии и прикладной математики в Университетском колледже, Кардифф, Уэльс) пошли дальше. Используя данные вероятности, применяемые к космическому времени (не просто к геологическому времени здесь, на Земле) они пришли к выводу:

Однако, если мы видим, что вероятность возникновения жизни самой по себе настолько ничтожно мала, то становится разумным полагать, что благоприятные для жизни физические свойства в любом отношении обдуманно Следовательно, почти неизбежно то, что наша собственная мера разума должна надлежащим образом отражать более высокий разум ... вплоть до крайней, идеализированной степени — **Бога** (1981, с. 141,144, выделено в оригинале).

Хойл и Викрамасингх предположили, однако, что этот «более высокий разум» необязательно должен быть тем, что большинство людей называют «Богом», но существом с разумом, «равным степени разума Бога». Теперь они остановили свой выбор на «управляемой пан-спермии», которая утверждает, что жизнь на Земле была «посажена» посредством генетического материала неким «более высоким разумом» где-то во Вселенной.

Мысль, которую мы хотим здесь высказать, заключается в том, что даже ученые, не являющиеся креационистами, способны признать, что сотворение это **обоснованная научная концепция**,

достоинства которой следует сопоставить с достоинствами эволюции. И некоторые ученые делают высказывания, которые, по крайней мере, «тяготеют» больше к научному признанию сотворения, чем эволюции. Например, в майском выпуске «Физического бюллетеня» за 1980 год появилась статья британского физика Х.С. Липсона, которая призывает к размышлениям. В своей статье «Взгляд физика на эволюцию» доктор Липсон вначале сказал о своей заинтересованности в происхождении жизни, а затем указал на свою неосведомленность с какой бы то ни было креационистской теорией, но затем отметил: «По сути дела, эволюция стала своего рода научной религией; почти все ученые ее приняли и многие готовы «подправить» свои наблюдения, чтобы они ей соответствовали». Затем доктор Липсон задал вопрос, каким образом эволюция продержалась годы научных исследований и сказал, что «по моему мнению, эта теория вообще не является удовлетворительной».

После изучения многих проблем (особенно с точки зрения термодинамики), связанных с производством чего-то живого из чего-то неживого, он спросил: «Итак, если живая материя не является результатом взаимодействия атомов, природных сил и радиации, то как же она появилась?» Отбросив всякие представления об «управляемой эволюции», Липсон заключает: «Я думаю, тем не менее, что мы должны пойти дальше и признать, что единственное приемлемое объяснение это **сотворение**». Подобно Хойлу, Викрамасингху и Паттерсону, доктор Липсон считает свой вывод неудачным. Он дал это понять, когда сказал: «Я знаю, что это — анафема для физиков, как и для меня самого, но мы не должны отвергать теорию, которая нам не нравится, если ее подтверждают экспериментальные данные» (1980, выделено в оригинале).

За три года до того, как доктор Липсон написал свою статью, выдающийся французский зоолог Пьер-Поль Грасс (человек, чьи знания о мире живого коллеги называли «энциклопедическими») написал книгу «Эволюция живых организмов», в которой он утверждал:

Сегодня наша обязанность — разрушить эволюционный миф, который считается простым, понятным и объяснимым феноменом, в быстром темпе разворачивающимся перед нами. Необходимо подвести биологов к размышлениям о слабостях и экстраполяциях, которые теоретики выдвигают как установленные истины. Этот обман иногда происходит неосознанно, но не всегда, так как некоторые люди, в силу своего стремления к обособленности, намеренно игнорируют реальность и отказываются признать неадекватность и ошибочность своих верований.

Несмотря на успех среди биологов, философов и социологов, **объяснительные доктрины биологической эволюции не выдерживают объективной, углубленной критики**. Они либо противоречат реальности либо оказываются неспособными решить основные рассматриваемые проблемы (1977, с. 8,202, выделено мной — Б.Т.).

Пять лет спустя после высказываний доктора Липсона Майкл Дентон из Австралии стал автором классической работы «Эволюция: теория в кризисе» и отметил:

В этой книге я предпринял радикальный подход. Представляя систематизированные критические замечания по ныне существующей дарвиновской модели, которые варьируются от палеонтологии до молекулярной биологии, я попытался показать, почему я считаю, что проблемы слишком серьезны и слишком неподатливы, чтобы предложить какую-либо надежду на разрешение с привычной точки зрения и что, следовательно, консервативная точка зрения более не является устойчивой.

Интуитивное чутье, подсказывающее, что чистая случайность никогда не смогла бы достичь той степени сложности и изобретательности, которая так очевидна в природе, было неизменным источником скептицизма со времен публикации «Происхождения видов»; и в течение последних ста лет всегда существовало вполне определенное меньшинство первоклассных биологов, которые так и не смогли заставить себя принять обоснованность утверждений Дарвина. Фактически, количество биологов, которые выражали какую-либо степень разочарования, практически бесконечно.

Антиэволюционный тезис, отстаиваемый в этой книге, а именно, представление о том, что жизнь может быть в основном непрерывным феноменом, напрямую противоречит всей сущности биологической мысли. ... Попросту говоря, никто никогда не видел непрерывную цепочку функциональных форм, связывающих все известные прошлые и нынешние живые виды. Концепция неразрывности природы существовала в умах людей, и **никогда** в фактах природы (1985, с. 16,327,353, выделено в оригинале).

Через два года после Дентона высокоуважаемый шведский биолог Сорен Ловтруп выразил точно такие же мысли.

После этого пошагового исключения остается только одна возможность: **дарвиновская теория естественного отбора**, вне ее связи с менделизмом, **ложна**. Я уже показал, что доводы первых поборников не были очень убедительными и что сейчас имеется значительное количество эмпирических фактов, которые не вписываются в эту теорию. Следовательно, **фактически, эта теория была сфальсифицирована**, но почему же от нее не отказались? Я полагаю, что ответ на этот вопрос кроется в том, что нынешние эволюционисты следуют примеру Дарвина — они отказываются принять опровергающие свидетельства (1987, с. 352, выделено мной — Б.Т.).

Авторы, которых мы только что процитировали, не креационисты. Они являются (или, по крайней мере, некоторые из них были) почитаемыми эволюционистами, известными своей

поддержкой эволюционной теории. Однако, что-то побудило их разглядеть в сотворении **вероятное объяснение**. Именно поэтому в первую очередь мы их цитировали. Мы упоминаем их не потому, чтобы объявить их твердыми приверженцами сотворения. Мы упоминаем их и их высказывания, чтобы показать, что действительно **есть** ученые, не являющиеся креационистами, которые не соглашаются с эволюцией или отвергают ее строго на научной основе. Фактически, по прошествии более 120 лет дарвинизма быстро растет число ученых, которые убедились в том, что естественные законы и процессы, известные нам сейчас, абсолютно исключают вероятность того, что Вселенная сотворила себя сама, и подобным же образом убедились, что наилучшие имеющиеся в наличии научные свидетельства показывают, что живые существа не могли произойти из более низших форм, чего, по сути дела, и не было. Эти ученые пришли к убеждению, что концепция сотворения это гораздо более вероятное объяснение доказательств, относящихся к происхождению мира. Какие же свидетельства побудили этих ученых и даже многих людей, далеких от науки, принять концепцию сотворения и отвергнуть теорию эволюции?

ВЕРОЯТНОСТЬ МОДЕЛИ СОТВОРЕНИЯ

Так как в науке о происхождении, которую мы рассматриваем здесь и которая имеет дело с тем, что нельзя воспроизвести экспериментально, теории неподвержены принципу фальсификации, как это случается с теориями в науке, рассматривающей воспроизводимые экспериментально явления, данные теории необходимо исследовать и оценивать на основе их вероятности. Но как тогда можно определить, насколько правдоподобен сценарий науки о происхождении? Очень просто, используются принципы **каузальности** (причинности) и **единообразия**. Под **причиной** мы понимаем необходимое и достаточное условие, которое единственно может объяснить происхождение данного события. Под принципом **единообразия** мы понимаем те виды причин, приводящие, по нашим наблюдениям, к определенным результатам сегодня, которые, как следует считать, могли приводить к сходным результатам в прошлом. Другими словами, то, что мы видим как адекватную причину в настоящем, по нашим предположениям, было адекватной причиной в прошлом; то, что мы видим как неадекватную причину в настоящем, по на-

шим предположениям, было неадекватной причиной в прошлом. Эволюционисты часто полагались на принципы каузальности и единообразия в стремлении разработать эволюционные сценарии. Такстон, Брэдли и Олсен обращались к этой теме.

Давайте, например, рассмотрим вопрос объяснения информационной молекулы, ДНК. Мы имеем наблюдательные свидетельства в **настоящем**, что наделенные разумом исследователи могут (и делают это) создавать механические приспособления для передачи энергии по упорядоченным химическим каналам, чтобы вызвать сложный химический синтез, даже геновое построение. Разве нельзя тогда в более широком смысле использовать принцип единообразия и предположить, что ДНК имела в начале причину, наделенную разумом? Обычно на это дают отрицательный ответ. Но, по крайней мере, с теоретической точки зрения, ответ должен быть положительным, с тем чтобы избежать обвинения в подтасовке карт в пользу натурализма.

Мы знаем, что в многочисленных случаях определенные следствия всегда имеют причины, наделенные разумом, например, словари, скульптуры, механизмы и картины. Мы рассуждаем по аналогии, что схожие следствия имеют причины, обладающие разумом. Например, увидев на небе слова «Покупайте машины «Форд», написанные дымом, мы предполагаем наличие самолета для воздушной рекламы, даже если мы не видели или не слышали гула моторов. Мы таким же образом пришли бы к заключению о наличии разумной деятельности, если бы в кедровом лесу наткнулись на деревья, подстриженные в форме слонов.

Точно так же разумное сообщение, посланное посредством радиосигнала из отдаленной галактики, широко приветствовалось бы как свидетельство существования разумного источника. Тогда почему же последовательность данных в молекуле ДНК также не является свидетельством разумного источника, не требующим доказательств при отсутствии опровержения? В конце концов, информация ДНК не просто аналогична такой последовательности сообщений, как азбука Морзе, она сама **является** такой последовательностью.

Мы полагаем, что, если подвергнуть этот вопрос рассмотрению, то можно будет увидеть, что наиболее часто на него дают отрицательный ответ просто потому, что считается неуместным вводить в науку Создателя (1984, с. 211-212, выделено в оригинале).

Использование принципов единообразия и каузальности обогащает креационистскую модель, ибо они являют собой излюбленные концепции научного мышления. Альберт Эйнштейн однажды сказал, что ученые «одержимы чувством всеобщей причинности». Каузальность утверждает, что всякое материальное следствие имеет адекватную предшествующую причину. Следовательно, возникает фундаментальный вопрос: можно ли наилучшим образом объяснить происхождение Вселенной, происхождение жизни и происхождение новых форм жизни на основе не

обладающих разумом, беспорядочных, случайных процессов? Являются ли они **адекватными** причинами? Или эти феномены наилучшим образом объясняются на основе существования Создателя (то есть, адекватной причины), способного произвести сложные, упорядоченные, передающие информацию процессы, которые мы видим вокруг нас?

Каковы возможные альтернативы? Вселенная существует; следовательно, она должна иметь какое-либо объяснение. Однако, есть только три способа объяснить ее: (1) она **вечна**; (2) она не вечна, но **сотворила себя сама** из ничего; или (3) она не вечна, и она не сотворила сама себя из ничего; напротив, она **была сотворена** чем-то (или Кем-то), предшествующим и превосходящим ее. Эти три возможности заслуживают серьезного внимания.

(1) Вечна ли Вселенная? Нет сомнений в том, что вечная Вселенная это самая удобная позиция для эволюционистов, потому что она не требует объяснений о начале или конце. По сути дела, отчасти, чтобы избежать проблемы определенного начала и конца, такие люди, как Томас Голд, Германн Бонди и Фред Хойл разработали теорию устойчивого состояния. В свое время появилась информация, которая, как казалось, давала основания считать Вселенную расширяющейся. Доктор Хойл предложил, что наилучший способ объяснения как расширения, так и вечности Вселенной, состоит в предположении, что в точках космоса, называемых «иртронами», водород образуется **из ничего**. Эти недавно сотворенные атомы водорода должны куда-то «перемещаться» и, по мере этого, они вытесняют уже существующую материю, приводя к расширению Вселенной. Хойл предположил, что эти атомы газообразного водорода в конечном итоге сгустятся в облака нетронутой материи, и среди этих облаков образуются новые звезды и галактики и т.д.

В своей книге «Пока не умрет солнце» астроном Роберт Джастроу отметил, что «предположение о сотворении материи из ничего обладает особой привлекательностью для ученого, так как позволяет ему созерцать Вселенную без начала и без конца» (1977, с. 32). Даже когда стали появляться свидетельства, которые демонстрировали ошибочность теории устойчивого состояния, Джастроу утверждал, что «некоторые астрономы по-прежнему оказывали ей предпочтение, потому что представление о мире, имеющем начало и конец, заставляло их чувствовать себя уютно» (1977, с. 33). Доктор Джастроу продолжал:

Вселенная это общность всей материи, живой и неживой, через пространство и время. Если было начало, то что было до него? Если есть конец, то что будет потом? Как с научной, так и философской точек зрения, концепция вечной вселенной кажется более приемлемой, чем концепция преходящей Вселенной, которая внезапно начинает существовать, а затем медленно погружается во тьму.

Астрономы пытаются не попасть под влияние философских рассуждений. Однако, представление о Вселенной, имеющей как начало, так и конец, отвратительно научному разуму. В отчаянном стремлении избежать этого, некоторые астрономы занялись поисками другого толкования измерений, которые указывают на уменьшение галактик, толкования, которое не предусматривает расширения Вселенной. Если бы можно было оправдать свидетельства в пользу расширяющейся Вселенной, то была бы устранена необходимость момента сотворения, и в науку бы вернулось представление о времени, не имеющем конца. Но эти попытки не увенчались успехом, и большинство астрономов пришло к выводу, что они живут во взрывном мире (1977, с. 31).

Что имеет в виду Джастроу, когда говорит, что «эти попытки не увенчались успехом»? В очевидной ссылке на тот факт, что теория Хойла о «создании водорода из ничего в иртронах» нарушает первое начало термодинамики, доктор Джастроу отметил:

Но сотворение материи из ничего нарушает излюбленную научную концепцию — принцип сохранения материи и энергии, который утверждает, что материя и энергия не могут быть ни уничтожены, ни сотворены. Материя может быть превращена в энергию и наоборот, но общее количество всей материи и энергии во Вселенной должно оставаться вечно неизменным. Трудно принять теорию, которая нарушает такой прочно установившийся научный факт (1977, с. 32).

В своей книге «Бог и астрономы» доктор Джастроу объяснил, почему провалились попытки доказать то, что Вселенная вечна. «Три вида свидетельств — движения галактик, законы термодинамики и история существования звезд — служили признаком одного вывода; все указывали на то, что Вселенная имела начало» (1978, с. 111). Джастроу, которого многие считают одним из самых выдающихся авторов научно-популярных книг, конечно, не является креационистом. Но, как ученый-астроном, он часто писал о неизбежном выводе о том, что Вселенная имела **начало**. Обратите внимание на эти высказывания из-под его пера:

Теория и наблюдения указывали на расширяющуюся Вселенную и начало во времени Около тридцати лет назад наука объяснила тайну рождения и смерти звезд и приобрела новые свидетельства того, что Вселенная имела начало (1978, с. 47,105).

Одновременно с этим развернулась большая полемика по поводу того факта, что второе начало термодинамики, примененное к Космосу, указывает на то, что Вселенная истощается подобно часам. Если она

истощается, то должно быть время, когда она была полностью «заведена». Артур Эддингтон, самый выдающийся британский астроном своего времени, писал: «Если наши воззрения правильны, то где-то между началом времени и нынешним днем мы должны поместить «завод» Вселенной.» Когда это произошло, и Кто или что «завел» Вселенную, это были вопросы, которые волновали богословов, физиков и астрономов, особенно в 20-30-ых годах двадцатого столетия (1978, с. 48-49).

Самым примечательным во всем этом является тот факт, что в науке, как и в Библии, Мир начинает существовать с действия сотворения. Ученые не всегда придерживались этой точки зрения. Только вследствие самых недавних открытий мы можем сказать с достаточной степенью уверенности, что мир не существовал вечно; что он начался мгновенно, без видимой причины, в ослепительном событии, которое не поддается научному объяснению (1977, с. 19).

Вывод, к которому приводили научные данные, был неизбежен, как отметил сам доктор Джастроу:

Затяжной упадок, который, по предсказаниям астрономов, станет концом света, отличается от взрывных условий, которыми объясняется рождение Вселенной, но смысл остается прежним: **современная наука отрицает вечное существование Вселенной** как в прошлом, так и в будущем (1977, с. 30, выделено мной — Б.Т.).

Свидетельства указывают на то, что у Вселенной было начало. Как указывает доктор Джастроу, второй закон термодинамики показывает истинность этого высказывания. Генри Моррис правильно заметил: «Второй закон предусматривает то, что у Вселенной было начало» (1974, с. 26). Действительно так. Вселенная не вечна.

(2) Сотворила ли Вселенная сама себя из ничего? Конечно, во-первых, следует отметить, что, согласно первому началу термодинамики, материя неспособна создать себя сама. Физик Джордж Дэвис однажды провозгласил: «Ничто материальное не может сотворить себя». Далее доктор Дэвис отметил, что это утверждение «невозможно логически оспаривать на основе любого доступного нам знания» (1958, с. 71). Вселенная не является творцом, она есть творение. И вплоть до недавнего времени, как казалось, не может быть никаких споров по этому поводу.

Однако, настолько убедительными оказались свидетельства в пользу того, что Вселенная имела начало и, следовательно, причину, предшествующую и превосходящую ее саму, некоторые эволюционисты, в стремлении избежать неприятных для них выводов, предполагают, что **что-то произошло из ничего** — то есть, **Вселенная в буквальном смысле слова сотворила себя из ничего!** Энтони Кенни, британский эволюционист, утверждал в книге «Пять спо-

собои Фомы Аквинского», что нечто действительно произошло из ничего. С этим согласился Эдвард П. Трайон, профессор физики в Университете Сити (Нью-Йорк), написавший: «В 1973 году я выдвинул предположение, что наша Вселенная была сотворена самопроизвольно из ничего, как результат установленных физических принципов. Это предположение поразило людей как нелепое, восхитительное или и то, и другое» (1984, с. 14). Это тот самый Эдвард П. Трайон, который однажды утверждал: «Наша вселенная это попросту одна из тех вещей, которые случаются время от времени» (цитировано в книге Трефила, 1984, 92[6]:100).

В майском выпуске журнала «Сайентифик Америкэн» за 1984 год эволюционисты Алан Гут и Пол Стейнхардт написали статью о «Расширяющейся Вселенной», в которой утверждали:

С исторической точки зрения, вероятно, самым революционным аспектом расширяющейся модели стало представление о том, что вся материя и энергия в наблюдаемой вселенной, возможно, произошли практически из ничего Расширяющаяся модель вселенной представляет возможный механизм, посредством которого наблюдаемая вселенная могла эволюционировать из территории бесконечно малой величины. Далее становится заманчивым сделать еще один шаг вперед и предположить, что вся вселенная развилась **в буквальном смысле из ничего** (1984, с. 128, выделено мной — Б.Т.).

Итак, даже если физические принципы, которые «невозможно логически оспаривать на основе любого доступного нам знания», препятствуют сотворению чего-то из ничего, вдруг, как последнее средство избежать выводов, сделанных на основе того, что Вселенная имеет причину, утверждается, что Вселенная на самом деле попросту «сотворила себя из ничего».

Естественно, такое предположение может показаться, пользуясь словами доктора Трайона, «нелепым». Как бы то ни было, некоторые представители эволюционного лагеря проявили желание его отстаивать. Одним таким ученым стал Виктор Дж. Стенгер, профессор физики Гавайского университета. В 1987 году доктор Стенгер написал статью, озаглавленную «Была ли сотворена вселенная?», в которой утверждает:

... вселенная это, вероятно, следствие беспорядочного квантового колебания в непространственной, вневременной пустоте Итак, что должно было случиться, чтобы дать начало вселенной, так это образование полого пузыря из в высокой степени изогнутого пространства-времени. Как образовался этот пузырь? Что стало его **причиной**? Не все требует наличия причины. Это могло произойти совершенно самопроизвольно, как одна из многочисленных линейных комбинаций все-

ленных, имеющая квантовые числа пустот Многое из этого по-прежнему обсуждается, и я должен признать, что еще нет никаких эмпирических или наблюдательных исследований, которые можно использовать как доказательство идеи случайного происхождения (1987, 7[3]:26-30, выделено: первый раз — автором, второй раз мной — Б.Т.).

Однако, такая концепция встретила серьезное сопротивление в привилегированных научных кругах. Например, в летнем выпуске журнала «Скептикал Инквайр» за 1994 год Ральф Эстлинг написал язвительную отповедь идее того, что Вселенная сотворила себя сама из ничего. В статье, имеющей интересное название «Великое научное шоу, от которого звенит в ушах и захватывает дух, глаза лезут на лоб, разрывается сердце и мутит желудок!!!», Эстлинг написал:

В науке возникают проблемы, когда ученые оставляют область науки и обращаются к философии и метафизике, слишком часто давая громкие название своему личному мнению, неподтверждаемому эмпирическими свидетельствами или логическому анализу, и надевая маску глубокомысленности.

И вот, они заклинаят нас, что весь Космос, или мириады космосов, вдруг, необъяснимо, непонятно начинают существовать из — вообще из Ничего, безо всякой причины, а впоследствии расширяются со скоростью, превышающей скорость света, в Нечто еще более Не существующее. Таким образом, космологи преподали нам Сотворение *из ничего* И в момент этого сотворения, как нам сообщают почти что мимоходом, вселенная обладала интересными свойствами Бесконечно Большой Температуры, Бесконечной Плотности и Ничтожно Малого Объема, довольно стесненные обстоятельства, также как и нечто, произошедшее в результате внезапного и радикального изменения из Ничего. Затем они речитативом произносят уравнения и другие ритуальные математические формулы и смотрят на них и объявляют их верными.

Я не думаю, что то, чем заняты эти космологи, эти квантовые теоретики, эти создатели вселенной, есть наука. Я не могу отказать от мысли, что вселенные не имеют склонности возникать одним махом, готовыми к употреблению, из ничего. Даже если Эдвард Трайон (наконец, хотя бы одно имя!) написал, что «наша вселенная это попросту одна из тех вещей, которые случаются время от времени». ... Возможно, хотя многие знаменитые ученые утверждают это, наша вселенная попросту не является одной из тех вещей, которые случаются время от времени (1994, 18[4]:430, выделено мной — Б.Т.).

Высказывания Эстлинга вызвали волну полемики, что очевидно из писем, последовавших к редактору «Скептикал Инквайр». В номере этого журнала за январь-февраль 1995 года были опубликованы многочисленные письма, в которых обсуждалась статья Эстлинга. Был также опубликован ответ Эстлинга критикам, который включал следующие наблюдения:

Все начинается с предположения, наука в этом не исключение. Но если в конечном итоге не появляется или не может появиться никаких эмпирических свидетельств, все предположение бесплодно **До сих пор нет никаких свидетельств о том, что вселенная, наблюдаемая и невидимая, целиком произошла из состояния абсолютного Небытия.** Представители квантовой космологии настаивают как на абсолютном «Небытии», так и на наделянии его разнообразными качествами и характеристиками: это конкретное «Ничто» обладает виртуальными квантами, кипящими в псевдовакууме. Кванты, будь то виртуальные или реальные, ложные или истинные, не являются «Ничем», они, несомненно, являются собой Нечто, хотя можно спорить, что конкретно. По крайней мере, кванты это нечто реально существующее, имеющее энергию, вакуум имеет энергию и, более того, протяженность, то есть, это то, куда можно поместить что-либо другое, например, вселенные, то есть, мы не можем одновременно сохранить наше абсолютное «Ничто» и использовать его. Если у нас есть данные кванты и вакуум, у нас, по сути дела, есть существовавшее состояние существования, которое либо существовало прежде неограниченное количество времени, либо произвело себя само из абсолютного «Небытия» (ни квантов, ни вакуума, ни предсуществовавших первоначальных условий) в точный момент времени; оно создает то самое время, вкупе с пространством, материей и энергией, которые мы называем вселенной Я вел переписку с Полом Дэвисом [британским астрономом, который отстаивал идею о том, что Вселенная сотворила себя из ничего — Б.Т.] по вопросу космологической теории, в ходе которой я спросил его, что он имеет в виду под понятием «Ничто». Он написал в ответ, что он спрашивал Александра Виленкина, что тот подразумевал под этим, и что Виленкин ответил: «Под Ничего я имею в виду Ничего», что тогда казалось довольно откровенным, но эти представители квантовой космологии продолжают говорить нам, из чего состоит их конкретный вид Ничего. Я указал на это Дэвису, который ответил, что все это очень сложно. Я готов признать истинность этого высказывания, но я думаю, что **оно не решает проблему** (1995, 19[1]:69-70, выделено мной — Б.Т.).

Это интересный поворот событий. Такие эволюционисты, как Трайон, Стенгер, Гут и Стейнхардт, настаивают, что эта удивительно сложная Вселенная «попросту одна из тех вещей, которые происходят время от времени» вследствие «беспорядочного квантового колебания в пустоте, лишенной времени и пространства», которая вызвала появление материи «буквально из ничего». Это положение, конечно, напрямую нарушает первое начало термодинамики, которое утверждает, что ни материя, ни энергия не могут быть созданы или уничтожены в природе. Далее, наука основывается на наблюдении, эмпирических данных и воспроизводимости. Но когда высказываются требования представить эмпирические данные, подтверждающие представление о том, что Вселенная сотворила себя из ничего, эволюционисты вынуждены

признать, как это сделал доктор Стенгер, что «... до сих пор нет никаких эмпирических или наблюдательных исследований, которые подтверждали бы эту идею...».

Эстлинг подвел неплохой итог этой проблеме, сказав: «На данный момент нет данных в пользу того, что вся вселенная, наблюдаемая и невидимая, произошла из состояния абсолютно-го Небытия». Возможно, именно поэтому Алан Гут скорбел, что «В конечном итоге я должен признать, что вопросы вероятности не определяются логически и в каком-то смысле зависят от интуиции» (1988, 11[2]:76) — и это всего лишь причудливый способ выражения следующей мысли: «Мне, конечно, **хотелось бы**, чтобы это было правдой, но я не смог бы это **доказать**, даже если бы от этого зависела моя жизнь».

Утверждать, что Вселенная сотворила себя сама, означает выдвигать положение, имеющее внутренние противоречия. Р.К. Спроул обратился к этой мысли в своей книге «Никакого шанса»:

Для того, чтобы нечто произвело себя само, оно должно иметь силу существовать внутри себя. Оно, по крайней мере, должно обладать достаточной причинной силой, чтобы вызвать свое собственное существование. Если оно обязано своим появлением какому-то другому источнику, то оно, несомненно, не является самодостаточным или самосотворенным. Оно будет, попросту говоря, следствием. Конечно, эта проблема усложняется другим необходимым положением, над установлением которого мы так упорно трудились: оно должно было бы иметь причинную силу до того, как появилось. Оно должно было бы иметь силу бытия перед тем, как начало быть, что дало бы возможность использовать эту силу» (1994, с. 180).

Британский астрофизик Стивен Хокинг высветил эту проблему в нужном свете, когда написал: «Новая расширяющаяся модель была неплохой попыткой объяснить, почему вселенная именно такая, какая она есть По моему личному мнению, **новая модель расширения как научная теория умерла**, хотя, как представляется, многие люди не слышали о ее кончине и продолжают писать о ней, как будто она до сих пор жизнеспособна» (1988, с. 132, выделено мной — Б.Т.). Вселенная не сотворила сама себя.

(3) Является ли Вселенная результатом творения вечным Творцом? Либо вселенная имела начало, либо она не имела начала. Но все доступные свидетельства утверждают, что Вселенная действительно имела начало. Если Вселенная имела начало, то либо она имела причину, либо нет. Одно мы знаем наверняка: с точки зрения науки и философии, правильно полагать, что Вселенная

имела адекватную причину, потому что Вселенная есть следствие, и поэтому требует наличия соответствующей предшествовавшей причины. Ничего не случается беспричинно.

Генри Моррис был прав, когда утверждал, что закон причины и следствия «является общепризнанным, и ему следуют в любой области науки» (1974, с. 19). Принцип причины и следствия утверждает, что где имеется материальное **следствие**, там должна быть соответствующая предшествующая **причина**. Однако, далее уточняется, что ни одно следствие не может качественно или количественно превосходить свою причину.

Так как очевидно, что Вселенная не вечна и, что также очевидно, она не могла сотворить сама себя, единственно возможная альтернатива состоит в том, что Вселенная **была сотворена** кем-то (или Кем-то), который: (а) существовал до нее, то есть, некая вечная, необусловленная Первопричина; (б) превосходит ее — сотворенное не может превосходить своего создателя; и (в) иметь иную сущность, так как ограниченная, зависимая материальная Вселенная не в состоянии объяснить себя сама. Как отметили Хойл и Викрамасингх: «... Чтобы соблюсти логичность, мы должны сказать, что разум, который соединил энзимы, сам их не содержал» (1981, с. 139).

В связи с этим следует рассмотреть еще один факт. Если когда-либо было такое время, когда **ничего** не существовало, то сейчас ничего бы не было. То, что ничто производит ничто, это самоочевидная истина. В свете этого, **так как что-то все-таки существует, то должно логически следовать, что что-то существует вечно!** Все существующее можно классифицировать либо как **материю**, либо как **сознание**. Третьего не дано. Поэтому мы выстраиваем следующий аргумент:

1. Все существующее это либо материя, либо сознание.
2. Что-то существует сейчас, поэтому существует что-то вечное.
3. Следовательно, либо материя, либо сознание вечно.
 - А. Либо материя, либо сознание вечно.
 - Б. Материя не вечна, как показывают приведенные выше свидетельства.
 - В. Таким образом, сознание вечно.

Или, рассуждаем несколько иначе:

1. Все существующее либо зависимо (то есть, обусловлено),

- либо независимо (необусловлено).
2. Если Вселенная невечна, она зависима (обусловлена).
 3. Вселенная невечна.
 4. Следовательно, Вселенная зависима (обусловлена).
 - A. Если Вселенная зависима, то ее должно было произвести что-то независимое.
 - B. Но Вселенная зависима (обусловлена).
 - B. Следовательно, Вселенная была произведена некоей вечной, независимой (необусловленной) силой.

В прошлом атеисты – сторонники эволюции утверждали, что сознание есть ничто иное, как функция мозга, который есть материя; следовательно, сознание и мозг это одно и то же, и материя это все, что существует. Однако, эта точка зрения более не является достоверной в результате получивших награду научных экспериментов британского невролога, сэра Джона Экклса. Доктор Экклс завоевал Нобелевскую премию за определение того, что сознание это нечто большее, чем просто физическое понятие. Он доказал, что дополнительный моторный участок мозга может быть задействован простым **намерением** сделать что-либо, без включения двигательных нервов коры головного мозга (контролирующих движения мышц). По сути дела, сознание для мозга это то же самое, что библиотекарь для книги. Первое нельзя свести до уровня второго. Экклс объяснил свою методологию в книге «Человек и его мозг», написанную в соавторстве с признанным философом науки, сэром Карлом Поппером (см. Поппер и Экклс, 1977). Рассматривая те же выводы, к которым пришел доктор Экклс, философ Норман Гейслер исследовал концепцию вечного, всезнающего Разума.

Далее, эта не имеющая ограничений причина всего сущего должна быть всезнающей. Она должна иметь знание, потому что то, что существует, имеет знание. Я — знающее существо, и я знаю это. Я не могу осмысленно утверждать, что я могу знать, не совершая акта познания Но причина может передать своему следствию только то, что она имеет передать. Если следствие на самом деле обладает какими-то качествами, то эти качества надлежащим образом приписываются причине. Причина не может дать то, чего она не имеет. Если мое сознание или способность знать принята, то должен быть Разум или Знающий, который дал ее мне. Сознательное не возникает из незнательного; нечто не может возникнуть из ничего. Однако, причина познания безгранична. Следовательно, она должна иметь безграничное знание. Она также проста, вечна и неизменна. Итак, что бы она ни знала, — а она знает все, что только можно знать, — она должна знать просто, вечно и неизменно (1976, с. 247).

На основании свидетельств, подобных представленным здесь, доктор Джастроу пришел к выводу: «То, что сейчас действуют, как я или кто-либо другой назвал бы это, сверхъестественные силы, теперь — я думаю, научно доказанный факт ...» (1982, с. 18). Выражаясь языком науки, выбор лежит между **только материей** и **более чем материей** как фундаментальным объяснением происхождения основного существования и упорядоченности Вселенной. Следовательно, различие между эволюционной моделью и креационистской моделью, это различие между: (а) **временем, случайностью и неотъемлемыми свойствами материи**, и (б) **замыслом, сотворением и неизменными свойствами определенного устройства**.

В конечном итоге, это — два, единственные два, выбора. Фактически, когда дело доходит до любого конкретного случая, снова возникают только два научных объяснения происхождения порядка, который характеризует Вселенную, и жизнь во Вселенной: либо порядок был **наложен на** материю, либо он **пребывает в** материи. Однако, если станут утверждать, что порядок пребывает в материи, мы отвечаем, что никогда не видели свидетельств этому. Креационистская модель не только возможна, но она единственная, которая утверждает адекватную причину для Вселенной и жизни в этой Вселенной. Эволюционистская модель не может этого сделать. Свидетельства понятно говорят в пользу существования необусловленного, вечного, самодостаточного Разума, сотворившего эту Вселенную и все, что в ней.

ЗАКОН ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Несомненно, самый универсальный и наиболее надежный среди всех научных законов это закон причины и следствия, или, как его еще называют, закон причинности (каузальности). В науке законы рассматриваются как «отражающие актуальные системы в природе» (Халл, 1974, с. 3). Насколько свидетельствует исторический опыт, законы не знают исключений. И это, несомненно, истинно в отношении закона причинности. Этот закон формулировали различными способами, каждый из которых адекватно выражает его основное значение. Кант в первом издании книги «Критика чистого разума» утверждал, что «все происходящее (начинающее быть) предполагает нечто, за чем оно следует, в соответствии с правилом». Во втором издании он усилил это

высказывание, отметив, что «все изменения имеют место согласно закону отнесенности причины и следствия» (см. Майклдзон, 1878, с. 141). Шопенгауэр высказал это положение следующим образом: «Ничто не происходит без причины, почему это должно произойти, вместо того чтобы не произойти» (см. фон Мизес, 1968, с. 159). Количество различных формулировок можно увеличивать почти до бесконечности. Но, говоря простыми словами, закон причинности утверждает, что **каждое материальное следствие должно иметь адекватную предшествующую причину**.

Философский и теологический подтексты этой концепции — за и против — обсуждаются многие годы. Но когда оседает пыль сражений, закон причинности всегда остается целым и невредимым. В мире экспериментальной науки или в обычном мире личного опыта не возникает вопросов относительно его принятия. Много лет назад профессор У.Т. Стейс в своей классической работе «Критическая история греческой философии» это прокомментировал:

Всякий изучающий логику знает, что это основной критерий наук, основание их всех. Если бы мы не верили в истину каузальности, а именно, в то, что все имеющее начало имеет причину, и что в тех же обстоятельствах неизменно происходят те же самые события, все науки в одно мгновение рассыпались бы в прах. Эта истина предполагается в каждом научном исследовании (1934, с. 6).

Закон причинности имеет значение не только для науки. Рихард фон Мизес отметил: «Мы можем лишь добавить, что практически все философы считают закон каузальности самым важным, самым широким и самым прочно установленным из всех принципов эпистемологии (гносеологии)». Затем он добавил:

Закон каузальности утверждает, что для **каждого** наблюдаемого феномена (назовем его *Б*) существует второй феномен *А*, так, что предложение «*Б* следует за *А*» верно Не может быть сомнений в том, что закон каузальности в только что приведенной формулировке соответствует всему нашему собственному опыту и тому, знание о котором приходит к нам тем или иным образом. ... мы также можем утверждать, что в практической жизни вряд ли есть более полезное и более надежное правило поведения, чем **предположить** о всяком событии, которое становится нам известным, что какое-то другое предшествовало ему как его причина (1960, с. 160, выделено в оригинале).

Рихард Тейлор, обращаясь к важности этого основного закона науки в «Энциклопедии философии», написал:

Тем не менее, вряд ли можно оспаривать то, что представление о причинности это не только неотъемлемая часть в каждодневных делах, но также и во всей прикладной науке. Юриспруденция и право утратили бы всякий смысл, если бы люди не были наделены возможностью

искать причины разнообразных нежелательных событий, таких как насильственные смерти, пожары и несчастные случаи. Это же верно в таких областях, как общественное здравоохранение, медицина, военное планирование и, конечно, каждый аспект жизни (1967, с. 57).

Наука и закон, причины и следствия

В то время как закон причины и следствия переходит строго научные границы и воздействует также на все другие дисциплины, и в то время как принцип причинности имеет серьезное теологическое и/или метафизическое значение, научное значение, которое он представляет, стоит в ряду самых важных когда-либо открытых принципов. Очевидно, что, если каждое материальное следствие имеет адекватную предшествующую причину, и если Вселенная есть материальное следствие, то Вселенная имела причину. Ученые не упускают это из виду. Например, Роберт Джастроу писал:

Вселенная и все, что в ней произошло с начала времени, это грандиозное следствие без известной причины. Следствие без причины? Это не из мира науки; это мир колдовства, неуправляемых событий и прихотей бесов, средневековый мир, который наука попыталась предать забвению. Как мы должны воспринять эту картину как ученые? Я не знаю. Я бы только хотел представить доказательства в пользу того, что Вселенная и сам человек появились в тот момент, когда началось время» (1977, с. 21).

Следствия без адекватных причин неизвестны. Тем не менее, Вселенная, говорит доктор Джастроу, это потрясающее следствие — без какой-либо известной причины. Однако, столетия исследований многому научили нас о причинах. Например, мы знаем, что причины никогда не происходят вслед за следствиями. Как отметил Тейлор:

Современные философы ... тем не менее, по большей части согласились с тем, что причины не могут произойти после своих следствий. ... принято считать, что частью привычного значения слова «причина» является то, что причина это нечто, предшествующее или, по крайней мере, не следующее своему следствию» (1967, с. 59).

Бессмысленно говорить о причине, следующей за следствием, или о следствии, предшествующем причине.

Мы также знаем, как уже было упомянуто выше, что следствие никогда не превосходит причину качественно или количественно. Именно это знание позволяет нам сформулировать закон причинности следующими словами: «Каждое материальное следствие должно иметь **адекватную** предшествующую причину». Река замутилась не от того, что в нее прыгнула лягушка; книга

упала со стола не от того, что на нее села муха; это не **адекватные** причины. Для любых следствий, которые мы наблюдаем, мы должны постулировать адекватные причины.

Таким образом, Закон причинности имеет серьезное значение во всякой области, где прилагает усилия человек — будь то наука, метафизика или богословие. Вселенная перед нами. Некая причина, предшествующая Вселенной, ответственна за ее существование. Эта причина должна быть значительнее самой Вселенной и превосходить ее. Но, как отметил Джастроу: «... самые последние астрономические данные указывают на то, что в какой-то момент в прошлом цепь причины и следствия внезапно оборвалась. Произошло важное событие — зарождение мира — для которого нет известной причины или объяснения» (1977, с. 27). Конечно, когда доктор Джастроу говорит об отсутствии «известной причины или объяснения», он имеет в виду то, что нет известной **естественной** причины или объяснения. Ученые, так же как и философы, понимают, что Вселенная должна была иметь причину. Они понимают, что эта причина должна была предшествовать Вселенной и превосходить ее. Общеизвестно, что не существует естественной причины, достаточной, чтобы объяснить происхождение материи, то есть, Вселенную, как честно признается Джастроу. Однако, это представляет действительно серьезную проблему, относительно которой Р.Л. Уайсонг писал:

Каждый приходит к естественному и удобному выводу, что предметы, имеющие проект и высокий уровень порядка (машины, дома и т.п.), обязаны своим существованием проектировщику. Прийти к другому выводу было бы неестественным. Но эволюция просит нас забыть о том, во что естественно верить, а затем поверить в то, что неестественно, неразумно и ... невероятно. Некоторые говорят нам, что все реально существующее — Вселенная, жизнь и т.п. — не имеет исходной причины. Но, так как Вселенная функционирует на основе соотносительности причины и следствия, как можно с точки зрения науки — которая занимается изучением той самой Вселенной — доказывать, что Вселенная не имеет исходной причины? Или, если эволюционист приводит причину, он ссылается либо на вечную материю, либо энергию. Затем он выдвигает причину гораздо меньшую, чем следствие. Основанием для этого отхода от того, во что естественно и разумно верить, служит не факт, наблюдение или опыт, но, скорее всего, неразумные выводы из абстрактных вероятностей, математики и философии (1976, с. 412, эллипс в оригинале).

Доктор Уайсонг представил интересное историческое обстоятельство, чтобы удостовериться свою мысль. Несколько лет назад

ученые собрались в Великобритании, в долине Солсбери в Уилтшире, для изучения упорядоченных концентрических кругов камней и ямок в Стонхендже. По мере продвижения исследований стало очевидно, что эти круги были созданы специально для того, чтобы делать определенные астрономические предсказания. Вопросы о том, как камни были доставлены в это место, каким образом эти древние люди смогли соорудить астрономическую обсерваторию, как использовались данные, получаемые в результате исследований, и многие другие остаются без ответа. Но одно несомненно: **причиной** Стонхенджа был интеллектуальный замысел.

Теперь, как предложил доктор Уайсонг, сопоставьте Стонхендж (как сделал один телевизионный комментатор) с ситуацией, соответствующей зарождению жизни. Мы изучаем жизнь, наблюдаем за ее функциями, размышляем о ее сложности (которая, общепризнанно, не поддается воспроизведению даже людьми, вооруженными разумом и самой современной методологией и технологией) — и каков же наш вывод? Теоретически, Стонхендж мог стать результатом воздействия эрозии гор или катастрофических сил природы (подобно торнадо или ураганам), действовавшими вместе с метеоритами в процессе образования камней и концентрических ямок. Но какой ученый-практик (или, если на то пошло, телевизионный комментатор) всерьез станет рассматривать такую нелепую идею? И какой человек, обладающий здравым смыслом, поверит в такое предположение? Тем не менее, в вопросе сотворения жизни, — сложный дизайн которой превращает Стонхендж в нечто, построенное трехлетним ребенком из строительных кубиков субботним вечером посреди сплошного ливня, — нас просят поверить, что это можно объяснить слепыми, бессмысленными, случайными, физическими процессами без какого-либо разумного руководства. Неудивительно, что доктор Уайсонг отмечает с очевидным неудовольствием, что эволюционисты просят нас «забыть то, во что верить естественно». Никого не удастся убедить, что Стонхендж «просто произошел». Это не адекватная причина. Однако, от нас ожидают того, что мы примем представление о том, будто жизнь «просто произошла». Подобный вывод как необоснован, так и неразумен. Причина неадекватна, чтобы произвести такое следствие.

Именно понимание подтекста закона причинности привело некоторых к попыткам развенчать или отказаться принять уни-

версальный принцип причины и следствия. Наверное, самым знаменитыми скептиком в этом отношении был британский эмпирист Дэвид Хьюм, который был известен своим антагонизмом к принципу причины и следствия. Однако, как бы ни упорствовал Хьюм в своей критике, он не заходил настолько далеко, чтобы утверждать, будто причина и следствие не существуют. Ему просто казалось, что это не было эмпирически достоверно, и вместо этого он исходил из *априорных* рассуждений. Хьюм отметил в письме к Джону Стюарту: «Я никогда не утверждал таких абсурдных Положений, как то, что **без Причины может появиться что-либо**: я лишь заявлял, что наша Уверенность в Ложности этого Положения не происходит от Интуиции или Демонстрации; но из другого Источника (см. Грейг, 1932, с. 187, выделено и капитализировано в оригинале; Грейг, 1984, с. 75). Даже неверующий такого ранга, как Хьюм, не стал бы отрицать причину и следствие.

Как бы они ни пытались, скептики не в состоянии обойти этот основной закон науки. Конечно, выдвигались другие аргументы против него, кроме выдвинутых Хьюмом. Например, один такой аргумент утверждает, что этот принцип ошибочен, потому что он противоречит сам себе. Выглядит это примерно так. Принцип причины и следствия утверждает, что все должно иметь причину. Согласно этой концепции, все прослеживается назад, к Первопричине, где внезапно ее действие прекращается. Но как же это согласуется с логикой? Почему принцип того, что все должно иметь причину, внезапно перестает действовать? Почему вдруг эта так называемая Первопричина подобным же образом не требует наличия причины? Если все нуждается в объяснении, или причине, то почему эта Первопричина также не нуждается в объяснении, или причине? И если эта Первопричина не нуждается в объяснении, то почему тогда в нем нуждаются другие вещи?

Можно предложить два отклика на подобное недовольство законом причинности. Во-первых, с точки зрения логики, невозможно отстаивать любую концепцию «бесконечного обратного движения», которая постулирует бесконечный ряд следствий, не имеющих конечной первопричины. Философы верно аргументировали эту мысль на протяжении поколений (см. Грейг, 1979, с. 47-51; 1984, с. 75-81). Все, начинающее существовать, должно иметь причину. Ничто не происходит беспричинно.

Во-вторых, недовольство, высказанное скептиками, утверждающими, что закон причинности противоречит сам себе, не является обоснованным возражением против закона; скорее, это будет возражением против **неправильной формулировки** этого закона. Если кто-то просто скажет: «Все должно иметь причину», тогда возражение было бы обоснованным. Но это не то, что говорит закон. Он утверждает, что всякое **материальное следствие** должно иметь адекватную предшествующую причину. Как правильно рассуждал Джон Х. Герстнер:

Так как каждое следствие должно иметь причину, в конечном итоге должна быть одна причина, которая не является следствием, но только причиной, или как же тогда можно объяснить следствия? Причина, которая сама является следствием, ничего бы не объяснила, но потребовала бы других объяснений. Это, в свою очередь, потребовало бы дальнейших объяснений, и мы имели бы совершенно бесконечное обратное движение. Но данный аргумент показал, что вселенная, как мы ее знаем, является следствием и не может объяснить себя сама; для ее объяснения необходимо нечто, что, в отличие от нее, не является следствием. Должна быть извечная причина. В этом есть смысл (1967, с. 53).

Это действительно имеет смысл. Это диктуется наукой и здравым смыслом. Тейлор отмечал: «Однако, если кто-либо утверждает, что не видит разницы между отношением причины к следствию, с одной стороны, и следствия к его причине, с другой, он, как представляется, противоречит здравому смыслу человечества, ибо это различие кажется совершенно очевидным большинству людей ...» (1967, с. 66). Время от времени нас ободряет то, что исследователи в конечном итоге призывают к «здравому смыслу» или к тому, что «совершенно очевидно большинству людей». В случае с законом причинности, «совершенно очевидно», что каждое материальное следствие должно иметь адекватную причину; здравый смысл требует ни больше, ни меньше.

Хотя критики выступают против закона причины и следствия, а эволюционисты игнорируют его, он остается неопровержимым. Его центральная идея остается нетронутой: **каждое материальное следствие должно иметь адекватную предшествующую причину**. Перед нами Вселенная. Перед нами жизнь в нашей великолепной Вселенной. Перед нами разум. Перед нами нравственность. Какова их первичная причина? Так как следствие никогда не превосходит причину и не предшествует ей, разумно полагать, что Причина жизни должна как предшествовать Вселенной, так и быть более мощной, чем она — живой Разум, который Сам обладает нрав-

ственной сущностью. В то время как эволюционист вынужден допускать, что Вселенная это «следствие без известной причины» (пользуясь словами доктора Джастроу), креационист утверждает адекватную Причину — трансцендентного Создателя — что соответствует известным фактам и тому, что вытекает из этих фактов.

ЗАКОН БИОГЕНЕЗА

В области биологии один из самых общепринятых и широко используемых научных законов это закон биогенеза. Этот закон был установлен много лет назад, чтобы продиктовать то, что подтвердили и теория, и экспериментальные свидетельства относительно живых организмов — что жизнь происходит только от предшествующей жизни такого же вида или типа. Дэвид Кирк отмечал:

К концу девятнадцатого столетия было всеобщее согласие относительно того, что жизнь не может произойти от неживого при условиях, которые существуют на нашей планете теперь. Изречение «Всякая жизнь от ранее существовавшей жизни» стало догмой современной биологии, от которой, как ожидается, не отступит ни один разумный человек (1975, с. 7).

Эксперименты, которые в конечном итоге сформировали основу этого закона, были впервые проведены такими людьми, как Франческо Реди (1688 г.) и Лазарро Спалланцани (1799 г.) в Италии, Луи Пастером (1860 г.) во Франции и Рудольфом Вирховым (1858 г.) в Германии. Именно Вирхов доказал, что клетки не возникают из аморфной материи, но, напротив, происходят от ранее существовавших клеток. «Британская Энциклопедия» утверждает относительно Вирхова, что «Его афоризм *“omnis cellula e cellula”* (каждая клетка возникает от ранее существовавшей клетки) стоит вместе с изречением Пастера *“omne vivum e vivo”* (каждое живое существо возникает от ранее существовавшего живого существа) в ряду самых революционных обобщений биологии» (см. Акеркнект, 1973, с. 35).

В течение многих лет бесчисленные тысячи ученых в различных дисциплинах устанавливали закон биогенеза именно так — как научный закон, утверждающий, что жизнь происходит только от ранее существовавшей жизни. Интересно, что закон биогенеза был твердо установлен в науке задолго до изобретения современных эволюционных теорий. Также значительный интерес представляет тот факт, что в старших классах средней школы и в колледже

на уроках биологии студентам неизменно преподают огромное значение, например, работ Пастера по развенчанию ложной концепции самопроизвольного зарождения (представления о том, что жизнь возникает сама по себе от неживых предшественников). Студентам в подробностях расписывают исторический сценарий того, как Пастер торжествовал над «мифологией», подведя науку к ее «звездному часу», когда он опроверг популярное представление о самопроизвольном зарождении жизни. Затем, практически на одном дыхании, преподаватель сообщает студентам, что эволюция началась через самопроизвольное зарождение.

Абиогенез, или, как он более известен, самопроизвольное зарождение, это одна из основополагающих концепций эволюции. В 1960 году Г.А. Керкут опубликовал свою знаменитую книгу «Подтекст эволюции», где он перечислил семь **недоказуемых предположений**, на которых основывается эволюция. Первым в этом списке стояло следующее: «Первое предположение состоит в том, что неживые объекты дали начало живому материалу, то есть, произошло самопроизвольное зарождение жизни» (с. 6). Нобелевский лауреат Джордж Вальд из Гарварда писал:

Что касается самопроизвольного зарождения, оно продолжало пользоваться поддержкой до тех пор, пока не было окончательно ликвидировано работой Луи Пастера — что интересно, преподаватели биологии до недавнего времени привычно рассказывали эту историю студентам как часть введения в биологию. Они заканчивали это повествование, сияя от убеждения, что преподали убедительный пример опровержения мифических представлений чисто научными опытами. Их студенты обычно бывали настолько ошеломлены, что забывали спросить профессора, каким образом он сам объясняет происхождение жизни. И это было бы затруднительным вопросом, потому что есть только две возможности: либо жизнь появилась через самопроизвольное зарождение, и преподаватель только что развенчал этот миф; либо она появилась посредством сверхъестественного сотворения, которое он, вероятно, считает антинаучным (1962, с. 187).

Затем доктор Вальд предложил свои наблюдения о том, как разрешить эту проблему:

Разумной точкой зрения было верить в самопроизвольное зарождение; единственная альтернатива — верить в единственный, первичный акт сверхъестественного сотворения. Третьего варианта нет ... Большинство современных биологов, с удовлетворением обзрев падение гипотезы о самопроизвольном зарождении, однако, не желая принять альтернативную веру в особое сотворение, остаются ни с чем. Я полагаю, что у ученого нет выбора, как только подойти к происхождению жизни через гипотезу о самопроизвольном зарождении. Полемика,

которую мы рассмотрели выше, показала несостоятельность только веры в то, что живые организмы появляются самопроизвольно при нынешних условиях. Теперь нам приходится сталкиваться с довольно сложной проблемой: каким образом организмы могли возникнуть самопроизвольно при других условиях в некий прежний период, если более они этого не делают.

Создание организма требует правильные вещества в правильных пропорциях и в правильном расположении. Мы не думаем, что нужно что-то еще — но это уже довольно проблематично. Нужно лишь задуматься о значительности этой задачи, чтобы предположить, что самопроизвольное зарождение живого организма невозможно. Однако, вот, мы здесь, как результат, надо полагать, самопроизвольного зарождения (1979, с. 289-291).

Обратите внимание на некоторые обстоятельства высказывания доктора Вальда. Во-первых, он не признает третьей альтернативы. **Либо** истинно самопроизвольное зарождение (химическая эволюция), **либо** произошло сотворение. Во-вторых, он соглашается, что самопроизвольное зарождение **сейчас не происходит**. В-третьих, однако, ему кажется, что оно **должно было произойти** в отдаленном прошлом. Доктор Вальд, конечно, прав, утверждая, что есть только две возможности и что самопроизвольное зарождение сейчас не происходит. Он также прав в своем наблюдении, что студенты часто забывают спросить своих преподавателей, каким же образом вообще могла появиться эволюция, если самопроизвольное зарождение было опровергнуто.

Однако, если эти важные обстоятельства избежали внимания некоторых студентов, то эволюционисты не потеряли их из виду. Они признают, что у них есть трудности с разрешением таких проблем. Например, Джастроу написал:

В настоящее время наука не имеет удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении жизни на земле. Возможно, появление жизни на земле это чудо. Ученые неохотно воспринимают эту точку зрения, но их возможности выбора ограничены; **либо** жизнь была сотворена на земле волей существа, неподвластного научному разумению, **либо** она зародилась на нашей планете самопроизвольно, через химические реакции, происходившие в неживой материи, лежащей на поверхности планеты. Первая теория ставит вопрос о происхождении жизни вне круга научного исследования. Это утверждение веры в силу Высшего Существа, неподвластного законам науки. Вторая теория это также акт веры. Этот акт веры состоит в предположении о том, что научные взгляды на происхождение жизни правильны без конкретных свидетельств в пользу этого верования (1977, с. 62-63, выделено в оригинале).

В другом отрывке книги, из которой взята приведенная выше цитата, доктор Джастроу отметил:

В соответствии с этой теорией, каждое дерево, каждая травинка и каждое существо в море и на суше произошли от одной маточной жилки молекулярной материи, праздно дрейфующей в теплом водоеме. Какие конкретные свидетельства подтверждают эту замечательную теорию происхождения жизни? Никакие (1977, с. 60).

Это, конечно, довольно поразительное признание. Очевидно, эволюционисты продолжают верить в самопроизвольное зарождение несмотря на то, что нет никаких убедительных свидетельств в его пользу.

Симпсон и Бек утверждают в своем широко используемом учебнике «Жизнь: введение в биологию», что «... нет серьезных сомнений в том, что биогенез это правило, что жизнь происходит только от другой жизни, что клетка, единица жизни, **всегда и исключительно** является продуктом или плодом другой клетки» (1965, с. 144, выделено мной — Б.Т.). Мартин А. Моу выразил это так в «Научном дайджесте»:

Столетие научных открытий в биологических науках научило нас тому, что **жизнь зарождается только от жизни**, что ядро управляет клеткой посредством молекулярных механизмов дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), и что количество ДНК и ее структура определяют не только сущность вида, но также характеристики отдельного существа (1981, 89[11]:36, выделено мной — Б.Т.).

Эволюционист Лорен Айсли однажды заявил, что, утверждая идею самопроизвольного зарождения, наука «сотворила собственную мифологию» (1957, с. 201-202). Просто интересно, сколько должно быть свидетельств, опровергающих что-либо, чтобы это отвергнуть? Однако, есть нечто приятное в том, что нет фактов. Ричард Э. Дикерсон написал статью «Химическая эволюция и происхождение жизни», опубликованную в журнале «Сайентифик Америкэн», где отметил, что у нас нет «лабораторных моделей: следовательно, можно строить бесчисленные предположения, несконанные неудобными фактами» (1978, с. 85). И, как признал доктор Дикерсон, «мы можем лишь воображать, что, возможно существовало, и наше воображение до сих пор не принесло большой пользы» (с. 86).

После обзора литературы о самопроизвольной/химической эволюции нетрудно увидеть, насколько ужасно слабы доводы в пользу такого сценария. Грин и Гольдберг вряд ли смогли бы выразить это более откровенно, когда они сказали:

Есть один шаг [в эволюции], который значительно перевешивает все другие по своему огромному значению: шаг от макромолекул к клеткам. Все другие шаги можно объяснить на теоретической основе,

если не правильно, то, по крайней мере, изысканно. Однако, переход от макромолекул к клеткам это прыжок невероятных размеров, который лежит вне круга проверяемых гипотез. В этой области все — предположения. Имеющиеся факты не дают основу для утверждения, что клетка зародилась на этой планете. Это не означает, что не могли действовать некие парафизические силы. Мы просто хотим подчеркнуть, что нет **никаких научных свидетельств** (1967, с. 406-407, выделено мной — Б.Т.).

В своем популярном произведении «Облако жизни» Хойл и Вакрамасингх пришли к выводу:

Сомнительно, чтобы хоть что-либо подобное условиям, которые были смоделированы в лаборатории, вообще существовали на примитивной Земле или происходили достаточно долгое время и на более чем достаточных по протяженности территориях поверхности Земли, чтобы произвести достаточно большие локальные концентрации биохимических веществ, необходимых для зарождения жизни. В принятии «теории первобытного супа» о происхождении жизни ученые заменили религиозные таинства, которые окутывали этот вопрос, равно таинственными научными догмами. Предполагаемые научные догмы точно так же недоступны для эмпирического подхода (1978, с. 26).

В работе «Таинство происхождения жизни», которая является углубленным обзором и опровержением экспериментов по химической эволюции, Тэкстон, Брэдли и Олсен утверждали:

Химическая эволюция широко рассматривается как довольно правдоподобный сценарий представлений о том, каким образом на земле могла появиться жизнь. Она нашла поддержку у многих знающих теоретиков и экспериментаторов. Их значительными усилиями идеи химической эволюции видоизменялись и совершенствовались. Однако, многие полученные данные этих опытов не подтверждают сценарий химической эволюции. По сути дела, то, что появилось за последние тридцать лет, как мы показали в данном критическом анализе, это альтернативный сценарий, который характеризуется разрушением, а не синтезом жизни.

Эта альтернативная схема предусматривает примитивную землю с окисляющейся атмосферой. Растущее количество свидетельств подтверждает воззрение на то, что значительные количества молекулярного кислорода существовали очень рано в истории земли до появления жизни. Если первобытная атмосфера была сильно окисляющейся, ... то не было никакой химической эволюции. Даже если примитивная атмосфера была раскисляющей или только мягко окисляющейся, то деградационные процессы преобладали над синтезом ... предшествующий жизни химический суп, предположительно бывший всемирным явлением, не оставил никаких известных следов в геологических отложениях.

... Как представляется, нет никакого физического основания для широко распространенного предположения, подразумеваемого в идее о том, что открытая система это достаточное объяснение сложности жизни. Как мы отмечали прежде, нет ни теоретического, ни экспериментального основания для этой гипотезы. В нашем опыте нет ни од-

ного намека на какое-либо механистическое средство обеспечения необходимой конфигурационной энтропии. ...

Однако, обратите внимание на то, что острый край этого критического замечания не в том, чего мы **не** знаем, но в том, что мы **знаем**. За прошедшие тридцать лет на свет появилось множество фактов в результате экспериментальных исследований о начале жизни. С каждым годом критика все усиливалась. Именно развитие науки бросает вызов представлению о том, что жизнь на земле зародилась посредством самопроизвольных (в термодинамическом смысле) химических реакций.

... Основной вывод, который следует сделать из этой работы, состоит в том, что неуправляемый поток энергии через первобытную атмосферу и океан является в настоящее время абсолютно неадекватным объяснением невероятной сложности, связанной даже с простыми живыми системами, и, вероятно, ошибочно (1984, с. 182,183,185,186, выделено в оригинале).

Как верно заметили эти авторы, вне зависимости от того, каким был тип атмосферы на примитивной земле (раскисляющий или окисляющий), единственная проблема потрясающе сложной информационной системы, которая должна быть приобретена живыми организмами, не была решена. Эволюционист Дуглас Хофстадтер отметил:

Естественный и основополагающий вопрос, который возникает при изучении этих невероятным образом сцепленных друг с другом частей программного и технического обеспечения, состоит в следующем: «Как они вообще могли появиться?» Это поистине трудная задача. Необходимо вообразить некое подобие процесса запуска, что-то вроде используемого при разработке нового компьютерного языка — но переход от простых молекул к целым клеткам это практически превосходит границы понимания. Есть разнообразные теории о происхождении жизни. Все они «салятся на мель» из-за самого центрального из всех центральных вопросов: «Каким образом зародился генетический код вместе с механизмами его передачи (рибосомами и молекулами РНК)?» Пока что нам придется удовлетворяться чувством удивления и благоговения, но не ответом» (1980, с. 548).

Лесли Оргел, один из «тяжеловесов» в вопросах изучения происхождения жизни, сделал подобное признание:

Мы все еще не понимаем даже общих признаков происхождения генетического кода. ... Происхождение генетического кода это самый затруднительный аспект проблемы происхождения жизни, и может понадобиться значительный концептуальный или экспериментальный прорыв, прежде чем мы сможем достичь существенного прогресса (1982, с. 151).

Креационистов не шокируют такие признания. Несмотря на весь шум, окружающий эксперименты по «происхождению жизни», никто еще не «сотворил жизнь» и даже не подошел близко к этому. Фактически, лабораторные опыты даже отдаленно не приблизились

к синтезу жизни из неживого, и крайне ограниченные результаты, которых удалось достичь к этому времени, зависят от искусственно созданных условий, которые совершенно невероятны. **В природе мы не имеем подтвержденных случаев самопроизвольного зарождения/химической эволюции.** Коровы производят коров, птицы — птиц, тюльпаны — тюльпаны, кукуруза — кукурузу и т.д.

Однако, в последние годы некоторые эволюционисты стали утверждать, что закон биогенеза это вовсе не «закон», но всего лишь «принцип» или «теория» или «афоризм». Эта новая терминология предлагается эволюционистами, потому что они пришли к полному осознанию того, что подразумевает закон биогенеза — но не потому, что в этом законе были обнаружены противоречия или исключения. В девятнадцатом столетии научные тексты называли биогенез **законом**. Однако, в последнее время этот термин заменили новыми словами, предназначение которых в том, чтобы «смягчить» воздействие биогенеза на эволюционные представления. Однако, роза под любым другим названием остается розой, как говорится в одном известном изречении. И не может быть сомнений в том, что биогенез отражает (словами доктора Халла) «актуальную систему в природе», так как никогда не было ни единого задокументированного случая самопроизвольного зарождения жизни.

И все-таки некоторые современные эволюционисты предпочитают употреблять другой термин, говоря о биогенезе. Под заголовком «Биогенеза, принцип» один известный биологический словарь предлагает следующее определение: «Биологическое **правило**, что живое существо может произойти только от родителя или родителей в целом схожих с ним самим. Он отрицает самопроизвольное зарождение ...» (см. Аберкромби, 1961, с. 33, выделено мной — Б.Т.). Другие последовали этому примеру. Симпсон и Бек в работе, которая цитировалась выше, утверждали: «Мы принимаем биогенез как основополагающий **принцип** воспроизводства на основе экспериментальных свидетельств, а также теоретических рассуждений» (1965, с. 144, выделено мной — Б.Т.). Уайсонг в книге «Полемика по поводу сотворения/эволюции» сокрушался по поводу этой тенденции.

Креационисты не мешкая напоминают эволюционистам, что абиогенез и эволюция описывают события, которые вступают в прямое противоречие с установленным законом. Закон биогенеза гласит, что жизнь возникает только от ранее существовавшей жизни, абиогенез гла-

сит, что жизнь зародилась от мертвых химикалий; эволюция утверждает, что формы жизни дают начало новым, улучшенным и отличным от них формам жизни, закон биогенеза утверждает, что виды воспроизводят только себе подобные виды. Эволюционисты не забывают об этом законе. Они попросту его оспаривают. Они говорят, что самопроизвольное зарождение было опровергнуто при условиях экспериментальных моделей Пастера, Реди и Спалланцани. Это, как они утверждают, не исключает возможности самопроизвольного образования жизни при иных условиях. На это креационист отвечает, что даже при искусственно созданных условиях и вооруженных разумом действиях опытов по абиогенезу жизнь все еще не «зародилась самопроизвольно». ... Креационисты настаивают, что, пока не настанет время, когда можно будет сказать, что жизнь зарождается самопроизвольно, закон биогенеза имеет смысл! ... Как еще можно назвать биогенез, кроме как законом? (1976, с. 182,184,185).

Мур и Слешер в учебнике «Биология: поиск порядка в сложности» писали: «Исторически, точка зрения на то, что **жизнь происходит только от жизни**, настолько прочно установилась посредством фактов, полученных в результате экспериментов, что ее стали называть законом биогенеза». В примечании авторы пишут: «Некоторые философы называют это **принципом** вместо закона, но это вопрос определения, а определения произвольны. Некоторые ученые называют это **суперзаконом**, или законом о законах. Вне зависимости от терминологии, биогенез занимает самое высокое место в этих уровнях обобщений» (1974, с. 74, выделено в оригинале). Поистине, как отметил доктор Кирк (цитированный выше), это изречение «стало догмой современной биологии, от которой, как представляется, не может отойти ни один разумный человек».

Более того, интересно обратиться к научному словарю и отметить определение слова «принцип», которое так часто употребляется в нынешней полемике. «Словарь научных и технических терминов» издательства «Мак-Гроу-Хилл», устанавливающий стандарты в промышленности, определяет принцип как «научный **закон**, который имеет высоко обобщенный или основополагающий характер и от которого производятся другие законы» (см. Лапедиз, 1978, с. 1268). Причина, по которой некоторые ученые называют биогенез **суперзаконом**, имеет отношение к тому факту, что иногда от него выводятся другие законы (законы генетики Менделя вряд ли могли иметь действие без того, что основополагающий «принцип» является правильным). Если принцип определяется как закон, и о биогенезе говорят как о «принципе биогенеза», что еще мы можем сказать? Как отметил сам

Кирк: «Гораздо более всеохватные парадигмы, — те, от которых в упорядоченной форме могут быть установлены самые большие и разнообразные блоки биологической информации, — иногда называются «принципами» биологии» (1975, с. 14).

В других областях науки, помимо биологии, нередко можно услышать, как ученые говорят о твердо установленных и широко признанных законах как о «принципах». Часто речь ведут о «принципах» термодинамики или «принципе» силы тяжести, вместо «законов» термодинамики или «закона» силы тяжести. Однако, никто не станет оспаривать эти общие и основополагающие законы науки. Даже в биологии мы пользуемся такой терминологией (например, мы говорим о «принципах» генетики Менделя), и при этом никто не ставит под сомнение основную сущность этих научных законов.

Тогда почему утверждается, что к биогенезу слово «закон» более неприменимо? Ведь так было в девятнадцатом столетии. Разве его опровергли? Нет. Каждое имеющееся в наличии научное свидетельство по-прежнему подтверждает концепцию о том, что жизнь возникает только от ранее существовавшей жизни. Разве биогенез перестал быть «актуальной системой в природе»? Напротив, вся научная информация, которой мы обладаем, показывает, что на самом деле он и есть актуальная система в природе (вспомните высказывание доктора Симпсона о том, что «нет серьезных сомнений в том, что биогенез это правило, что жизнь происходит только от другой жизни ...»).

Разве биогенез каким-то образом перестал быть экспериментально воспроизводимым? Вряд ли. Почему же тогда эволюционисты настаивают, что биогенез нельзя более называть законом? Ответ, конечно, очевиден. Если эволюционисты примут биогенез как научный закон, — то есть, как актуально существующую систему в природе, — то эволюция вообще не могла бы появиться на свет. Признание **закона** биогенеза представляло бы полный демонтаж эволюционной теории с первого этажа до последнего. Поэтому некоторые современные эволюционисты тщательно просматривают словари в поисках другого слова («правило», «принцип», «изречение» и т.п.), чтобы применить его к биогенезу вместо слова **закон**. Несмотря на их усилия, в одном можно быть уверенными: «догма современной биологии, от которой: как представляется, не может отойти ни один разумный человек», это все еще биогенез.

Дж.У.Н. Салливан, блестящий ученый прошлых лет, написал такие слова, которые и сегодня сохраняют прежнюю актуальность.

Начало эволюционного процесса поднимает вопросы, которые по сей день остаются без ответа. Каким было происхождение жизни на этой планете? До сравнительно недавнего времени довольно распространенной была вера в то, что произошло «самопроизвольное зарождение». ... Но тщательные опыты, особенно эксперименты Пастера, показали, что этот вывод был обязан несовершенным наблюдениям, и **общепринятой доктриной стало то, что жизнь никогда не зарождается каким-либо другим образом, кроме как от другой жизни. Насколько показывают реальные свидетельства, это по-прежнему единственно возможный вывод. Но так как это вывод, который, как представляется, возвращает нас к сверхъестественному акту сотворения, это такой вывод, который с большим трудом воспринимают ученые мужи**» (1933, с. 94, выделено мной — Б.Т.).

ЗАКОНЫ ГЕНЕТИКИ

Одна из самых новых и, несомненно, самых захватывающих наук это генетика. Ведь каждое живое существо — растение, животное или человек — это кладовая генетической информации и, следовательно, потенциальная «лаборатория», наполненная научным знанием. Исследования показали, что наследственная информация, обнаруженная внутри ядра живой клетки, помещается туда в виде химического «кода» и что этот код имеет универсальную сущность. Вне зависимости от взглядов на происхождение жизни, это признается всеми учеными. Эволюционист Ричард Докинс утверждал: «Генетический код универсален. ... Полная дословная универсальность генетического словаря для исследователя таксономии это слишком хорошая вещь» (1986, с. 270). Креационист Даррел Каутц соглашается: «Молекулярными биологами признается, что генетический код универсален, вне зависимости от того, насколько различны живые существа по своему внешнему виду» (1988, с. 44).

Однако, не только тот факт, что генетический код универсален по своей сущности, делает его изучение таким привлекательным. Равным же образом интригует **предназначение** этого кода. А.Э. Уилдер-Смит, выдающийся ученый, эксперт ООН, отметил:

Таким образом, устройство и обмен веществ клетки зависят от ее внутреннего «почерка» в генетическом коде. Все, даже сама жизнь, с биологической точки зрения регулируется информацией, содержащейся в этом генетическом коде. Всякий синтез управляется этой информацией (1976, с. 254).

Так как все живые существа это сокровищницы генетической информации (то есть, внутри генетического кода) и так как именно этот код регулирует жизнь и управляет ее синтезом, вряд ли можно переоценить значимость исследования этого информационного кода. Признанный британский генетик Э.Б. Форд в книге «Понимание генетики» подвел проницательный итог этому вопросу:

Может показаться банальным сказать, что потомками лютиков, воробьев и людей являются лютики, воробьи и люди. ... Что же тогда держит их, и поистине все живые существа, в нужных рамках? Почему нет воробьиных пар, у которых рождались бы, например, малиновки или какие-то другие виды птиц: почему вообще рождаются птицы? Что-то должно передаваться от родителей потомству, обеспечивающее подобие, не полное, но в высокой степени, и предотвращающее такие крайние расхождения. Что это такое, как это действует, каким правилам подчиняется и почему, что очевидно, дает возможность только для ограниченных изменений? Генетика это наука, которая стремится дать ответы на эти вопросы и многие другие. Это — изучение органической наследственности и вариаций, если воспользоваться более формальным языком (1979, с. 13).

Мы, конечно, знаем, что воробьи, лютики и люди дают жизнь только воробьям, лютикам и людям. Но мы знаем это сегодня только по причине нашего глубокого знания генетики — науки о наследственности. Однако, так было не всегда. История того, как мы натыкались на это знание и, следовательно, на эту новую науку, представляет собой интересное и полезное изучение.

Различные авторы описывают ранние попытки гибридизации, отбора и т.п. (см. Сузуки и Кнадтсон, 1989, с. 32-35). Но общепризнано, что по-настоящему наука, которую мы называем генетикой, зародилась в 1865 году в результате исследований, проведенных монахом-августинцем Грегором Менделем (1865). В 1857 году Мендель начал серию экспериментов с горохом (*Pisum sativum*) в саду аббатства в Бруне, Австрия (ныне — Брно, Чехия). Он работал восемь лет. Рассказ об исследовании Менделя выходит за рамки этой книги. Однако, ее описывали многие авторы (см. Азимов, 1972, с. 366-368; Гарднер, 1972, с. 401-403; Эди и Йохансон, 1989, с. 108-122; Сузуки и Кнадтсон, 1989, с. 35-38).

Вряд ли можно переоценить достижения Менделя. Рихард фон Мизес отметил, что работа Менделя «... играет в генетике роль, сравнимую с ролью законов Ньютона в механике» (1968, с. 243). Эди и Йохансон повторяют эту же мысль:

Мендель был уверен, что его гипотеза верна: наследственные черты живых существ существуют в отдельных пакетах; они не смешиваются.

ваются; их поведение соответствует простым математическим законам; некоторые из них доминантные и «проявляют себя», в то время как другие — рецессивные и «подавлены», если только не представлены в чистом виде. Это было очень важное прозрение. Оно стало краеугольным камнем в великом сооружении генетического знания, которое было воздвигнуто в следующем столетии» (1989, с. 114).

Дэвис и Кеньон (1989, с. 60) подвели итог тому, что теперь известно под названием «Менделизма».

1. Наследование признаков определяется генами (получившими это название позднее), которые ведут себя больше как отдельные физические частицы, нежели жидкость.
2. Для каждого свойства существует пара генов, и гены одной пары могут быть одинаковыми или различными.
3. Когда гены, контролируемые определенное свойство, различны, то наблюдается воздействие одного (доминантного), в то время как другой остается подавленным (рецессивный).
4. В гаметах (ооцит, или яйцеклетка, и сперматозоид) присутствует только один ген каждой пары. При оплодотворении гаметы соединяются случайно, что приводит к предсказуемому соотношению признаков среди потомства.
5. Гены, контролируемые определенный признак, разделены во время образования гаметы; каждая гамета несет только один ген каждой пары.
6. При изучении двух пар признаков в одном и том же перекрещивании обнаруживается, что они действуют независимо друг от друга.

В 1866 году работа Менделя была опубликована в «Записках» Брюнского Общества естествоиспытателей. В течение тридцати пяти лет работа Менделя пролежала на библиотечных полках, известная лишь немногим и не вызывая у них большого интереса. Затем, в 1900 году, трое ученых, работавших независимо друг от друга, заново открыли работу Менделя. Гюго де Фриз (голландец), Карл Корренс (немец) и Эрих Чермак (австриец) одновременно прочитали труды Менделя и опубликовали свои собственные работы на подобные вопросы, и каждый признал вклад Менделя. Де Фризу приписывается открытие генетических мутаций (изменений в генах и/или хромосомах, производящих потомство, отличное от родителей).

В 1902 году немецкий эмбриолог Теодор Бовери и американский цитолог У.С. Саттон, основываясь на работе другого немецкого эмбриолога, Вильгельма Рукса, документально подтвердили, что *Anlagen* (гены) Менделя распределялись по всему телу на хромосомах. В 1903 году датский ботаник Вильгельм Йоганнсен придумал слово «ген», которым мы пользуемся до сих пор. В 1906 году на собрании Королевского Садоводческо-

го общества английский биолог Уильям Бейтсон предложил термин «генетика» как название для этой новой науки. В конце концов работы Менделя получали широкое признание, которого они заслуживали.

Грегор Мендель умер в 1884 году, не осознавая того, что со временем о нем будут говорить как об «отце генетики». Многие ученые с тех пор прибавили к знанию, которое он дал нам об этой важной науке. Было бы тщетным попытаться упомянуть или воздать честь им всем. Но, несомненно, генетическая наука получила значительное развитие в 1953 году после открытия химического кода, который обеспечивает генетические инструкции. Именно в этом году Джеймс Уотсон (США) и Фрэнсис Крик (Великобритания) опубликовали свою знаменательную работу о спиралевидной структуре молекулы ДНК (1953). В 1962 году им была присуждена Нобелевская премия в области медицины и физиологии за достижения в установлении структуры ДНК. Тэкстон, Брэдди и Олсен в книге «Тайна происхождения жизни» отмечали:

В соответствии с их моделью, теперь хорошо известной, наследственная информация передается от одного поколения к следующему посредством простого кода, пребывающего в особой последовательности определенных составляющих молекулы ДНК. ... Прорывом Крика и Уотсона стало их открытие особого ключа к разнообразию жизни. Это была чрезвычайно сложная, но упорядоченная архитектура молекулы ДНК. Они обнаружили, что действительно существует код, записанный в этой «спирали жизни», тем самым обеспечив важное продвижение в нашем понимании замечательной структуры жизни (1984, с. 1).

[В наши намерения здесь не входит глубокое исследование внутренних механизмов действия молекулы ДНК. Однако, вы можете обратиться к отличным обзорным комментариям (см. Каутц, 1988, с. 43-47; Дэвис и Кеньон, 1989, с. 62-64; Сузуки и Кнадтсон, 1989, с. 41-45).] Насколько важна эта «спираль жизни», представленная в молекуле ДНК? Уилдер-Смит пришел к выводу, что «информация, сохраняемая в молекуле ДНК, насколько нам известно теперь, полностью контролирует развитие всех биологических организмов посредством своего взаимодействия с окружающей средой» (1987, с. 73). Профессор Э.Х. Эндрю объяснил, как это происходит.

Код ДНК действует следующим образом. Молекула ДНК подобна лекалу или шаблону для производства других молекул, называемых «протеинами». ... Затем эти протеины контролируют рост и активность клетки, которая, в свою очередь, контролирует рост и активность всего организма (1978, с. 28).

Таким образом, ДНК содержит информацию, которая делает возможным производство протеинов, и протеины контролируют рост и функционирование клетки, которые ответственны за весь организм. Генетический код, обнаруженный внутри молекулы ДНК, имеет существенное значение для жизни в нашем ее понимании.

Законы генетики и полемика по вопросу «Сотворение или эволюция»

Есть по крайней мере два важных обстоятельства, которые непосредственно связывают генетику с полемикой по вопросу о сотворении и эволюции и которые будут рассмотрены здесь. Во-первых, химические инструкции генетического кода раз за разом воспроизводятся как **верная** копия. Другими словами, воспользовавшись ранее приведенными примерами доктора Форда, следует сказать, что воробьи никогда не рожают малиновок; лютики никогда не производят тюльпаны; люди никогда не рожают никого, кроме других людей. Во-вторых, генетический код — с его сложностью, упорядоченностью и предназначением — предоставляет самый убедительный вид доказательства в пользу **разумного замысла**, который требует наличия Создателя. Давайте кратко рассмотрим эти две концепции.

«Верное воспроизведение»

В своем президентском обращении к Британскому обществу содействия науке Уильям Бейтсон сделал следующее поразительное признание: «Раньше происхождение описывали отношениями крови. Более точные представления о генетической физиологии даются древнееврейским словом «семя». Если мы говорим, что он от «семени Авраама», мы чувствуем нечто наподобие **постоянства и неразрушимости** того зародыша, который может быть разделен и рассеян среди народов, но сохраняет свою узнаваемость по виду и характеристикам по прошествии 4 000 лет» (1914, выделено в оригинале). Мало что изменилось семьдесят пять лет спустя. Например, Сузуки и Кнадтсон отмечают:

Однако, задолго до того, как концепция о «генах» обрела форму в сознании людей в начале этого столетия, люди чувствовали необходимость искать пути объяснения по крайней мере самого очевидного свидетельства биологической наследственности, которое их окружало. Ибо они не могли не заметить повторяющейся модели воспроизводства в

природном мире, по которой каждая форма жизни дает новую жизнь — «по роду своему». Зоркие земледельцы среди них не могли упустить из виду сходство между последовательными поколениями домашнего скота и сельскохозяйственных культур. Также было невозможно пренебречь иногда сверхъестественными сходствами между членами одной семьи или наследственной линии (1989, с. 32).

Однако, Сузуки и Кнадтсон утверждали, что эти бедняги жили в состоянии «научной наивности», и поэтому их можно простить за отсутствие более точных знаний. Но разве это «научная наивность» — полагаться на эмпирические наблюдения и здравый смысл? Джон Гриббин, эволюционист, признал, что «... после того как оплодотворенная, единственная человеческая клетка начинает развиваться, первоначальные схемы **верно воспроизводятся** всякий раз при делении клетки (процесс, называемый митоз), так что каждая из тысяч миллионов миллионов клеток в моем теле, как и в вашем, содержит **совершенную репликацию** первоначальных схем для всего организма» (1981, с. 193, выделено мной — Б.Т.). Об этом также говорил Уилдер-Смит.

Нобелевский лауреат Ф.Х. Крик говорил, что, если перевести закодированную информацию одной человеческой клетки в форму книги, то потребуется одна тысяча томов по пятьсот страниц в каждом. Тем не менее, механизм клетки при делении клетки может **верно воспроизвести** всю эту информацию на тысячу томов по пятьсот страниц в каждом всего лишь за двадцать минут (1976, с. 258, выделено мной — Б.Т.).

Воробьи не рождают никого, кроме воробьев, и люди не рождают никого, кроме людей, потому что все организмы верно воспроизводят копии своего собственного генетического кода. Доктор Бейтсон говорил о **постоянстве и неразрушимости** «семени». Доктор Гриббин сказал, что этот код **верно воспроизводится**. Сузуки и Кнадтсон комментировали **повторяющуюся модель воспроизводства**. Не имеет большого значения, какие термины используют эти эволюционисты; высказываемая ими мысль ясна — все живые существа воспроизводят «по роду своему».

Однако, в наши дни в моду вошли «нео-дарвинизм» и «современная синтетическая теория дарвинизма». Нео-дарвинизм, как заложено в самом названии, прибавил нечто «новое» к прежней теории дарвиновской эволюции, которая, как предполагалось, произошла исключительно путем естественного отбора. «Новое» это генетические мутации. Симпсон и его соавторы предположили: «Мутации это основной сырой материал для эволюции» (1957, с. 430). В настоящее время считается, что эволюция происходит

посредством удвоенных усилий естественного отбора и генетических мутаций. Однако, истинные научные факты рассказывают историю, которая не согласуется с эволюцией. Смысл этого таков: мутации — да; эволюция — нет. Давайте рассмотрим, почему.

Во-первых, естественный отбор («выживание сильнейшего» или «наиболее приспособленного») это тавтологическая концепция (то есть, порочный замкнутый круг мышления). Она попросту утверждает, что «самые приспособленные» организмы оставляют больше потомства, и в то же самое время определяет «самые приспособленные» организмы как те, которые оставляют больше потомства. Таким образом, естественный отбор не предоставляет доказуемых объяснений того, как мутации могли произвести более приспособленные организмы (см. Поппер, 1975, с. 242).

Во-вторых, даже сами эволюционисты признают, что мутации это «ошибки» в репликации ДНК (см. Айала, 1978, 239[3]:56-69). И эти «ошибки» практически всегда вредны. Сегодня мы, конечно, знаем, что есть по крайней мере три **возможных** вида мутаций: (1) плохие; (2) полезные; и (3) нейтральные. В полемике по вопросу создание/эволюция нейтральные мутации не имеют значения, потому что по сути они не имеют «полезного действия». Тогда что можно сказать о **плохих** или **полезных** мутациях? После удаления нейтральных мутаций в оставшейся части 99% — это вредные мутации (Винчестер, 1951, с. 228; Мартин, 1953, с. 100; Айала, 1968, с. 1436; Моррис, 1984, с. 203; Клотц, 1985, с. 181).

Мутации известны как беспорядочные и разрушительные или даже летальные процессы для того организма, в котором они происходят. В конце концов, мутации это изменения («ошибки») в ДНК. Как утверждал один эволюционист: «Беспорядочная мутация как по охвату, так и по теоретическому обоснованию не соответствует дегенеративному принципу, обеспечивающему сырой материал для естественного отбора» (Викен, 1979, с. 349). Другими словами, мутации, имеющие случайный характер, не могут ничего «упорядочить» или сделать что-либо более сложным. Естественный отбор может служить только с той целью, чтобы удалить вредные мутации, наилучшим образом сохраняя «статус-кво». Или, как сказал Артур Кестлер:

А в это время образованная общественность продолжает верить в то, что Дарвин дал все уместные ответы при помощи магической формулы случайных мутаций плюс естественный отбор — совершенно не

зная о том факте, что случайные мутации оказались неуместными, а естественный отбор — тавтологией (1978, с. 170).

Пьер-Поль Грассе, которого мы уже цитировали, не сторонник сотворения, но, по сути, ведущий зоолог Франции, председательствовавший в Совете эволюции Сорбоннского университета. Его мнение о мутациях как механизме, объясняющем эволюцию, таково:

Довольно сложно поверить в видимость благоприятности мутаций, позволяющих животным и растениям удовлетворять свои нужды. Тем не менее, дарвиновская теория требует еще большего: одно-единственное растение, одно-единственное животное предусматривает тысячи и тысячи удачных, подходящих случаев. Таким образом, чудеса становятся правилом: события с бесконечно малой вероятностью должны были происходить без каких-либо сбоев. ... Нет закона, запрещающего мечтать, но наука не должна этим заниматься (1977, с. 103).

Но что можно сказать о «вероятности», о которой говорил доктор Грассе? Математическая вероятность того, что случайные мутации привели к тому, что мы видим вокруг себя, бесконечно мала. Мутации редки, они происходят в одном из каждых десяти миллионов удвоений молекулы ДНК (1 в 10^7). Налицо проблема в истинности эволюционной модели, потому что необходим целый ряд **связанных** мутаций. Шансы того, что две мутации будут связаны друг с другом это результат отдельных вероятностей ($10^7 \times 10^7$ или 10^{14}). Это означает один шанс из ста триллионов. А если, скажем, речь идет о четырех связанных мутациях? Шансы становятся один к 10^{28} ! Математик Муррей Иден, один из участников симпозиума по математической вероятности эволюции, написал:

Мы убеждены, что, если «случайности» придать серьезное и ответственное толкование с вероятностной точки зрения, то постулат о случайности становится невозможным, а адекватной научной теории эволюции придется ждать открытия и установления новых естественных законов... (1967, с. 109).

Мутации, как бы эволюционистам ни было горько это признавать, **предполагают сотворение**, потому что они попросту изменения в **уже существующих генах** (то есть, разнообразие внутри вида), которые вызывают ошибки в первоначальном шаблоне. Мутации, которые могут привести к тому, что животное одного вида произведет животное другого вида, или растение одного вида произведет растение другого вида, неизвестны биологической науке. С другой стороны, известно, что случаются мутации, которые вредны, разрушительны и даже смертельны.

Предназначение генетического кода

Генетический код отвечает за то, что живые существа верно воспроизводятся «по роду своему» в точности, как это утверждается законами генетики. Верное воспроизведение, конечно, обязано невероятной сложности этого кода. Сомнительно, чтобы кто-либо, осведомленный об этих фактах, станет говорить о «простом» генетическом коде. А.Г. Каирнс-Смит объяснил, почему.

Каждый организм имеет в себе хранилище того, что называется **генетической информацией**. ... Я буду называть хранилище генетической информации организма его **Библиотекой**. ... Где находится Библиотека в таком многоклеточном организме? Ответ — везде. За небольшим исключением, каждая клетка в многоклеточном организме имеет полное собрание книг в Библиотеке. По мере роста организма его клетки множатся, и в этом процессе полная центральная Библиотека переписывается снова и снова. ... Библиотека человека содержит в себе 46 таких книг-связок. Они называются хромосомами. Они все неодинакового размера, но средняя имеет примерно 20 000 страниц информации. ... Например, Библиотека человека состоит из собрания указаний по строительству и обслуживанию примерно из миллиона страниц (1985, с. 9,10, выделено в оригинале).

Не менее удивительно узнать, что даже то, что эволюционисты называют «простыми» клетками (например, бактерии), имеют чрезвычайно большие и сложные «библиотеки» генетической информации, заложенной в них. Например, бактерия *Escherichia coli*, которая, несомненно, не является самой «простейшей» известной бактериальной клеткой, это крохотная палочка шириной в одну тысячную миллиметра и две тысячные в длину, однако, «указанием на явную сложность *E. coli* является то, что ее Библиотека достигает объема в тысячу страниц» (Каирнс-Смит, 1985, с. 11).

Не требуется большего количества фактов, чем представленные здесь, чтобы увидеть, что генетический код характеризуется упорядоченностью, сложностью и утонченным предназначением. Сами по себе порядок и сложность это ничто иное, как удивительное явление. Но **предназначение** этого кода, возможно, его самая поразительная особенность, как объяснил доктор Уилдер-Смит, утверждая, что закодированную информацию

... можно сравнить с книгой или с видео- или аудиопленкой, с той особенностью, которая дает генетической информации возможность при определенных обстоятельствах окружающей среды считывать себя и затем приводить в действие информацию, которую

она считает. То есть, она напоминает гипотетический архитектурный план дома, который не только содержит информацию о том, как строить дом, но который, если бросить его в сад, может совершенно самостоятельно построить дом без участия подрядчиков или других внешних участников строительства. Такой план, если бросить его в сад, может построить сад — при условии, что он найдет соответствующие условия и поставки энергии для внутренников подрядчиков, которые строят дом. Он осуществляет эту работу по строительству совершенно автономно, действуя только на основе информации, которую он сам содержит. Таким образом, будет справедливым отметить, что **технология**, проявляющаяся в этом генетическом коде, неизмеримо выше, чем любые технологии, которые человек смог разработать до настоящего момента. В чем ее секрет? Этот секрет лежит в ее способности сохранять и приводить в действие невероятное количество концептуальной информации в первичной молекулярной миниатюризации информационного хранилища и поисковых систем нуклеотидов и их последовательностей (1987, с. 73, выделено в оригинале).

Каутц придерживается такого же хода мысли, когда говорит:

Информация в ДНК достаточна для управления и контроля над всеми процессами, которые происходят в клетке, включая диагностику, обслуживание и воспроизводство клетки. Представьте себе архитектурный проект, имеющий реальную способность построить сооружение, изображенное в проекте, поддержание этого сооружения в должном состоянии и даже его воспроизводство (1988, с. 44).

Затем он делает вывод:

Молекула ДНК это нечто совершенно уникальное, и она должна была иметь неестественное или сверхъестественное происхождение. ... Информация в молекуле ДНК должна быть **заложена** в нее неким внешним источником, так же как музыка накладывается на кассетную пленку. Информация в ДНК представлена в **закодированной** форме, как объяснялось выше, а, как известно, коды не возникают сами по себе (1988, с. 44, выделено в оригинале).

Возможно, многие люди не задумывались над терминологией, при помощи которой описывается генетический код. Лестер и Болин утверждают, что это дает основную подсказку относительно происхождения ДНК:

ДНК в живых клетках содержит закодированную информацию. Поэтому неудивительно, что такое большое количество слов, употребляемых для описания ДНК и ее функций, это языковые термины. Мы говорим о генетическом **коде**. ДНК **переписывается** в РНК. РНК **переводится** в протеин. Протеин, в каком-то смысле, закодирован на языке, который для ДНК является иностранным. О РНК можно сказать, что она является диалектом ДНК. Эти наименования не только удобны и не просто антропоморфизмы. Они в точности описывают ситуацию (1984, с. 85-86, выделено в оригинале).

Далее вспомните о том, что люди научились сохранять информацию на глиняных табличках, камнях, папирусе, бумаге, пленке, магнитных средствах, таких как аудио- и видеокассетах, микросхемах и т.п. Однако, «разработанные человеком технологии еще не подошли к моменту сохранения информации **химическим путем**, как в молекуле ДНК» (Каутц, 1988, с. 45, выделено в оригинале). Доктор Эндрюс был прав, утверждая:

Невозможно, чтобы код любого типа возник по воле случая. Математики разработали законы случайности или вероятности. ... Код это продукт деятельности сознания, наделенного разумом. Даже самая умная собака или шимпанзе не смогли бы разработать никакого кода. Очевидно, что случай не может этого сделать. ... Это могло быть результатом случая не в большей степени, чем то, что мыши, которые станут прыгать по клавишам моего пианино, сыграют «Лунную сонату»! Коды не возникают из хаоса (1978, с. 28-29).

Доктор Уилдер-Смит предложил следующее наблюдение:

Когда мы имеем дело с генетическим кодом, нас сразу же поражает его простота, сложность и масса информации, которая в нем заложена. Мы не можем не благоговеть перед явной плотностью информации, которая содержится в таком миниатюрном пространстве. При размышлении о том, что вся химическая информация, необходимая для создания человека, слона, лягушки или орхидеи, была сжата в две крошечные репродуктивные клетки, мы можем только удивляться. **Не удивляться может только недо-человек.** Практически непостижимо сложная информация, необходимая для синтеза человека, растения или крокодила из воздуха, солнечного света, органических веществ, углерода и минералов, содержится в этих двух крошечных клетках. Если бы мы попросили инженера осуществить этот подвиг информационной миниатюризации, нас бы посчитали психически нездоровыми. ... Утверждать, что все это возникло случайно и неумышленно, означает отрицать человеческий здравый смысл. Полюс стал антиполюсом. ... Почти непостижимая сложность информации генетического кода в купе с простотой этой концепции, вместе с ее чрезвычайной компактностью, предполагают наличие непостижимо высокого разума, стоявшего за ней. Современная **теория информации** не позволяет никакого другого толкования фактов генетического кода (1976, с. 257-259, выделено в оригинале).

Креационистская модель предсказывает внутреннее разнообразие в группе генов. Если живые существа были сотворены, то разнообразие внутри видов это хороший замысел. Однако, мутации привнесли другой вид разнообразия — на этот раз вредный по своей сути. Мутации выступают **против** эволюции. И история, которую рассказывают о мутациях и естественном отборе, гораздо в большей степени соответствует креационистской модели, нежели эволюционной модели.

ЗАКОНЫ ВЕРОЯТНОСТИ

Одно из ограничений науки состоит в том, что она, по самой своей сути, имеет дело не с абсолютными доказательствами, а с вероятностью. В широко используемом учебнике по биологии Джордж Гейлорд Симпсон, один из его авторов, предупреждал студентов об этом факте, когда сказал:

Мы говорим о «принятом значении», «уверенности» и «вероятности», а не «доказательстве». Если под доказательством понимать установление вечной и абсолютной истины, неподверженной никаким возможным исключениям или изменениям, тогда доказательство не имеет места в естественных науках. С другой стороны, доказательство в естественной науке, как, например, в биологии, должно определяться как достижение высокой степени уверенности (1965, с. 16).

Несомненно, все ученые-практики согласятся с доктором Симпсоном. Наука по причине своей зависимости от индуктивного метода не может представить абсолютного доказательства. В течение многих лет исследователи успешно устанавливали то, что теперь известно как «законы вероятности». Основываясь на работах таких людей, как Блез Паскаль, знаменитый французский математик и ученый, другие выводили принципы, которые используются сегодня ежедневно практически во всех научных дисциплинах. Георгий Гамов был одним из них (1961). Также в их числе был Эмиль Борел. Доктор Борел, один из самых выдающихся специалистов мира по математической вероятности, сформулировал то, что ученые, так же как и математики, называют основным «законом вероятности», который мы рассмотрим в данной главе.

Однако, в начале любой дискуссии о вероятности возникают два вопроса. Во-первых, имеют ли вероятности какое-либо практическое значение? Во-вторых, полезны ли вероятности в полемике по поводу сотворения или эволюции? «Да,» — говорит Джеймс Коппедж, бывший руководитель исследования вероятностей, который прокомментировал, почему такое изучение имеет практическую сущность.

Вероятность это практическая концепция. Неопределенность и неуверенность оказывают влияние на наши жизни. Насколько вероятно то, что в день, на который вы запланировали поездку за город, пойдет дождь? Каковы шансы того, что ваш самолет окажется захваченным террористами? Возможно ли, что ваша машина не потребует значительного ремонта, если вы отложите покупку новой на шесть месяцев? Сколько потребуется наличных, чтобы взять с собой в планируемую зарубежную поездку? Какова вероятность того, что вы сдадите школьный экзамен без дополнительной подготовки? (1973, с. 39).

Доктор Коппедж сходным образом объяснил, что изучение вероятностей полезно в таких делах, как исчисление страховых сборов, анализирование принципов и/или цен на рынке ценных бумаг и других, которые представляют интерес для обычного человека. Более того, пользуясь словами Р.Л. Уайсонга, законы вероятности «подтверждены и заслуживают доверия. Наука в целом и ежедневная практическая жизнь основываются на вероятных событиях и том, что может быть» (1976, с. 81). Действительно, вне зависимости от того, понимают это люди или нет, на нашу повседневную жизнь оказывает влияние такое математическое исследование, иногда таким образом, что мы даже не знаем или не понимаем этого.

Но связаны ли проблемы вероятности с полемикой по поводу сотворения или эволюции? Да, это так. Хэрольд Моровитц, бывший преподаватель биофизики в Йельском университете, а в нынешнее время в Университете Джорджа Мейсона в Ферфаксе, Вирджиния, сказал, что:

Зачастую процесс оказывается таким сложным, или мы настолько плохо знаем ограничивающие его условия или законы, управляющие этим процессом, что мы можем предсказать результат этого процесса только при помощи статистики. ... Случайность, в некотором смысле, это следствие незнания наблюдателя, тем не менее, сама случайность проявляет определенные признаки, которые превратились в мощные инструменты в изучении поведения систем атомов (1970, с. 64:45).

И, как утверждал Коппедж:

Эволюция это идеальный предмет, к которому можно применять законы случайности. Как было определено выше, эволюционное учение отрицает предварительный замысел и утверждает, что основной причинный источник это беспорядочный принцип «материи в движении». «Случайные мутации» представляют изменчивость, на которой в основном базируется нынешнее эволюционное мышление в Америке (1973, с. 44-45).

Таким образом, так как изучение вероятностей имеет дело со случайностью, и так как эволюция в целом основывается на концепции случайности, то кажется, что законы вероятности смогут пролить некоторый свет на вероятность возникновения эволюции, вот почему доктор Коппедж отметил: «Центральный вопрос, которым мы займемся, состоит в следующем: позволяют ли законы случайности рассматривать эволюцию как вполне возможную вероятность?» (с. 45).

Есть два важных вопроса, которые необходимо рассмотреть в этой главе, посвященной статистической вероятности. Во-пер-

вых, является ли вообще происхождение жизни посредством эволюционных механизмов **статистически возможным** (в соответствии с принятым использованием законов вероятности). Во-вторых, являются ли подобные сценарии **логически возможными**. Важно признать, что любое логически невозможное событие по определению является вероятностно невозможным. Следовательно, во-первых, мы обратим внимание на вопрос о том, является ли происхождение жизни (в том виде, в котором его постулируют эволюционисты) статистически возможным, в соответствии с принятыми нормами, установленными законами вероятности.

Закон вероятности Борела утверждает, что событие, у которого шансы осуществиться не превышают одного к одному с пятидесятью нулями, это такое событие, о котором мы можем сказать с уверенностью, что оно никогда не произойдет, вне зависимости от того, сколько времени ему отпущено и сколько мыслимых возможностей существуют для его осуществления (1962, главы 1 и 3; см. также 1965, с. 62). Доктор Борел, известный как математик-практик, отметил, что «принципы, на которых основывается исчисление вероятностей, чрезвычайно просты и так же интуитивны, как размышления, ведущие бухгалтера через его вычисления» (1962, с. 1). Хотя с этим не сразу согласятся нематематики, тем не менее, нам интересны принципы, заложенные здесь. И у нас есть хорошие основания. Кинг и Рид в своей замечательной работе «Дорога к вероятности» утверждали:

Мы склонны согласиться с П.С. Лапласом, сказавшим: «Мы видим ... что теория вероятности это, по сути дела, всего навсего здравый смысл, низведенный до уровня вычислений; это заставляет нас в точности оценить то, что разумное сознание чувствует как бы инстинктивно, зачастую даже будучи неспособным объяснить это» (1963, с. 130).

Имея это в виду, интересно отметить из научной литературы некоторые оценки вероятности возникновения жизни посредством только механистических процессов. Например, доктор Моровитц подсчитал, что вероятность случайного возникновения самой маленькой, простейшей формы известного живого организма это шанс 1×10^{340000000} [то есть, один шанс из 1 с 340 000 000 нулей] (1968, с. 99). Размер этой цифры просто поражает, так как считается, что во всей Вселенной содержится только приблизительно 10^{80} электронов!

Карл Саган вычислил, что шанс возникновения жизни на одной любой данной планете, такой как Земля, равняется 1×10^{2000000000}

[то есть, один шанс из 1 с двумя миллиардами нулей] (1973, с. 46). Это число так огромно, что потребовалось бы 6000 книг по 300 страниц каждая, чтобы только записать это число! Такое большое число настолько превосходит единицу с 50 нулями (верхний предел Борела для того, чтобы событие могло произойти), что это попросту устрашает. Следовательно, в соответствии с законом вероятности Борела, **нет абсолютно никакого шанса**, что жизнь на Земле могла «зародиться самопроизвольно».

Давайте далее рассмотрим следующие факты (по книге Морриса и Паркера, 1982, с. 236-239). Если предположить, что Вселенная в радиусе составляет 5 миллиардов световых лет, и предположить, что она наполнена крошечными частицами размером с электрон, было подсчитано, что во Вселенной могут существовать приблизительно 10^{130} частиц. Каждая структура, каждый процесс, каждая система, каждое «событие» во Вселенной должно состоять из этих частиц в различных комбинациях и взаимодействиях. Если очень щедро предположить, что каждая частица может принять участие в 10^{20} (то есть, в ста квинтиллионах) событий **каждую секунду**, а затем предоставить 10^{20} секунд космической истории (это соответствовало бы 3 000 миллиардам лет или в 100-200 раз больше, чем современная оценка возраста Вселенной), то самое большое мыслимое количество отдельных событий, которые могли бы иметь место во всем космосе и времени, равнялось бы:

$$10^{130} \times 10^{20} \times 10^{20} = 10^{170} \text{ событий}$$

Почему именно так? Пусть объяснит доктор Гамов: «Здесь мы имеем правило «умножения вероятностей», которое утверждает, что, если вы хотите несколько различных вещей, вы можете определить математическую вероятность их получения посредством умножения математических вероятностей получения каждой отдельной вещи» (1961, с. 208). Или, как утверждал Адлер: «Разбейте эксперимент на последовательность маленьких шагов. Подсчитайте количество возможных результатов каждого шага. Затем перемножьте эти числа» (1963, с. 58-59). Для того чтобы появилась жизнь, одно из этих событий (или их некая комбинация) должно свести определенное количество этих частиц вместе в системе с достаточным порядком (или сохраненной информацией), чтобы она смогла сделать копию самой себя (воспроизвестись). И эта система должна появиться по чистой случайности.

Однако, проблема в том, что любая живая клетка или любой новый орган, который должен быть добавлен к любому существующему животному, — даже самая простая репликационная система, которую только можно представить, — должен был бы содержать гораздо больше сохраненной информации, чем представленное даже таким гигантским числом, как 10^{170} . По сути дела, Марсель Э. Голе, ведущий ученый в области теории информации, подсчитал вероятность того, что такая система могла создать саму себя, и она равна 1 к 10^{450} (1961, с. 23). Фрэнк Сэлisbury установил число 1 к 10^{415} (1969, 1971). Если принять число доктора Голе, то шансы любого случайного упорядочения частиц в репликационную систему составляют по меньшей мере 1 к 10^{450} . Это истинно даже в том случае, если это растянуть во времени и в виде целого ряда связанных событий. Голе получил это число на предположении о том, что это было достигнуто серией из 1 500 **последовательных** событий, причем каждое из них имеет довольно высокую степень вероятности $1/2$ (обратите внимание, что $2^{1500}=10^{450}$). Вероятность этого была бы **еще меньше**, если бы это произошло **в одном случайном событии!** Следовательно, было бы справедливо прийти к выводу, что вероятность того, что самая простая репликационная система, которую только можно представить, произошла только однажды за все время во Вселенной благодаря случаю, равняется:

$$\frac{10^{170}}{10^{450}} = \frac{1}{10^{280}}$$

Когда вероятность того, что любое событие может произойти, меньше, чем одно из числа событий, которые вообще могли бы произойти, — то есть, как рассматривалось выше, меньше, чем $1/170$, — то вероятность этого события считается математиками равной нулю. Следовательно, можно сделать вывод, что шансы происхождения жизни абсолютно невозможны. Почему так? Гамов, используя в качестве примера простое подбрасывание монеты, объяснил причину истинности этого принципа.

Таким образом, если при 2, 3 или даже 4 подбрасываниях шансы выпадения только орла или только решки все еще заметны, то в 10 подбрасываниях даже 90 процентов орлов или решек слишком невероятны. Для еще большего количества подбрасываний, скажем, 100 или 1000, кривая вероятности становится острой, как игла, и возможность получения даже небольшого отклонения от равного распределения практически становится равной нулю (1961, с. 209).

исследование возможности эволюционного происхождения жизни, предположил, что вероятность образования простейших живых организмов посредством стихийных процессов равна 1 к 10^{130} . Затем он утверждал: «Отсюда следует вывод, что жизнь не могла возникнуть без информационного донора» (1971, с. 319).

Креационисты утверждают, что этим «донором» был Создатель, и что эволюционная модель не может обойти основополагающие законы вероятности. Эволюционист Ричард Доукинс однажды заметил: «Чем более невероятным является что-либо с точки зрения статистики, тем менее мы можем поверить, что это просто произошло посредством слепого случая. На поверхности, **очевидная альтернатива случаю это обладающий разумом Создатель**» (1982, с. 130, выделено мной — Б.Т.). Вовсе не «поверхностно» учить, как это делают креационисты, тому, что создание предполагает наличие Создателя. И также не поверхностно отстаивать то, что наш замечательно устроенный мир вряд ли может быть следствием «слепого случая». Даже такие эволюционисты, как Доукинс, готовы признать (хотя это им не нравится), что «очевидная альтернатива» шансу это обладающий разумом Создатель, а именно на это указывали креационисты все эти годы.

Рассмотрев вопрос о том, возможно ли механистическое происхождение жизни с точки зрения **статистики**, давайте теперь исследуем его **логическую** вероятность. Эволюционисты любят образовывать гигантские числа, как мы рассмотрели выше, чтобы затем мимоходом заявить, что «произойти может все, дайте только время». Они указывают на то, что, с точки зрения вероятности, даже **один** шанс предполагает, что событие возможно. Мы уже показали, что это не так. Однако, эти же самые эволюционисты забывают о том, что **логически** эти сценарии не просто невероятны, они невозможны. Спраул, Герстнер и Линдсли пришли к выводу:

Однако, факт состоит в том, что мы имеем не случайное сотворение. Мы должны стереть единицу, за которой следует большое количество нулей. Каковы реальные шансы того, что вселенная возникла случайно? Ни одного. Случай не может сотворить ни одной молекулы, не говоря уже о целой вселенной. Почему нет? Шанс это **ничто**. Он нечто несуществующее. Он не имеет бытия, силы или энергии. Он не может ничего произвести, ибо в нем нет причинной силы, в нем нет сущности. Шанс это *nomina* [имя — Б.Т.], а не *res* [вещь — Б.Т.]; это слово, описывающее математические вероятности, которое, посредством любопытного действия двусмысленности, подпадает под рассмотрение как нечто реально существующее с реальной силой, даже высшей силой, си-

лой сотворения. Сказать, что вселенная сотворена случаем, означает сказать, что вселенная сотворена ничем, другой вариант самосотворения (1984, с. 118, выделено в оригинале).

Эти авторы не единственные, признавшие то, что некоторые из их коллег не смогли разглядеть. Клод Тресмонтан, выдающийся философ науки из Парижского университета, утверждал:

Ни одна теория случайности не может объяснить сотворение мира. До того как случай может послать атомы, кружащиеся в безграничной пустоте, эти атомы должны существовать! Должно быть объяснено существование мира и материи. Бессмысленно утверждать, что случаем можно объяснить сотворение бытия (1967, с. 46).

На впечатляющем научном симпозиуме, проводившемся в Институте Уистара в Филадельфии, математик Муррей Иден обратился к представлению о том, что каким-то образом стихийные, случайные процессы могут объяснить окончательный успех эволюции. Он сказал:

Мы убеждены, что, если «случайности» придать серьезное и ответственное толкование с вероятностной точки зрения, то постулат о случайности становится невозможным, и адекватной научной теории эволюции придется ждать открытия и установления новых природных законов — физических, физико-химических и биологических» (1967, с. 109).

Эволюционистам давно пора это признать. Когда, по словам сторонников теории, единственный способ для ее признания и распространения это установление абсолютно новых законов в физической, химической и биологической науках, логическая невозможность такой теории при **нынешних** естественных законах вряд ли нуждается в дальнейших комментариях. Эволюция это всего-навсего теория, и, следовательно, она должна быть отвергнута, потому что она невозможна как с точки зрения вероятности, так и логики.

ОКАМЕНЕЛОСТИ — ЛЕТОПИСЬ ПРОШЛОГО

Известный эволюционист Ле-Грос Кларк однажды заметил, что «... по-настоящему важное подтверждение эволюции должно прийти от палеонтолога, который занимается изучением окаменелостей» (1955, с. 7). Действительно, доктор Кларк был прав в такой оценке. Если и будет когда-либо какое-нибудь **эмпирическое** свидетельство в пользу эволюции, оно непременно должно прийти от того, что называется «летописью камней», ибо здесь и только здесь будут найдены подлинные исторические доказательства любого эволюционного сценария. В прошлом некоторые люди, не зная

подлинных фактов этого вопроса, были уверены, что именно в «музее природы» эволюционисты в конечном итоге смогут обрести последнюю и неопровержимую позицию против сотворения. Однако, как оказывается, некоторые из самых убедительных свидетельств в пользу сотворения находятся именно в окаменелостях.

Тот факт, что окаменелости существуют и представляют окружающую среду, в которой они некогда жили, не подвергается сомнению. Но у креационистов вопросы вызывает то **толкование**, которое придают окаменелостям эволюционисты. Например, общепризнано, что методология эволюционистов в толковании как местонахождения, так и значимости различных окаменелостей в геологическом строении, основывается на порочном замкнутом круге мышления. Этот процесс начинается с предположения о том, что жизнь развивалась от простого к сложному (то есть, эволюция верна). На этом основании окаменелости располагаются по порядку от простого к сложному. «Вот так!» — говорит эволюционист, — «Последовательность окаменелостей идет от простого к сложному. Это подтверждает наше первоначальное предсказание о том, что окаменелости должны показывать, как жизнь с течением времени становилась более сложной, и, следовательно, окаменелости доказывают истинность эволюции.» В конечном итоге предположение (которое по определению не является доказанным) используется для «доказательства» эволюционной теории. Этот логически ошибочный довод не избежал внимания даже исследователей-эволюционистов. Р.Р. Уэст отмечал:

Вопреки тому, что пишет большинство ученых, окаменелости не подтверждают дарвиновскую теорию эволюции, потому что мы используем именно эту теорию (есть несколько) для толкования окаменелостей. В результате мы виновны в «замкнутом мышлении», если мы говорим, что окаменелости подтверждают эту теорию (1968, с. 216).

Однако, такое «замкнутое мышление по кругу» не может быть принято в качестве обоснованного довода в пользу эволюции.

Мы хотим подчеркнуть, что **подлинные факты**, полученные при изучении окаменелостей, должны рассматриваться без ссылок на навязанные эволюционистами «последовательности» и/или концепции длительных периодов. Из вышеприведенных цитат очевидно, что окаменелости представляют значительную часть того, что говорят эволюционисты, и, несомненно, большинство палеонтологов являются эволюционистами. Но это не означает, что эволюционисты имеют исключительные права на изучение окаменелостей.

Необходимо отделить научные факты от философских предположений и принимать решения, основанные на этих фактах.

Вопрос, который мы должны задать, формулируется следующим образом. Что подтверждает летопись окаменелостей: сотворение или эволюцию? Для того чтобы установить нео-дарвиновскую эволюцию, ее защитники должны иметь возможность показать промежуточные, или переходные, формы между животными и растениями в каждом из основных таксономических подразделений. Эта система, разработанная шведским биологом Карлом Линнеем, классифицирует организмы по нескольким различным уровням, начиная с самого широкого (царство) и постепенно сужая через тип, класс, отряд (подкласс), семью, род, вид и подвид. Эволюционисты предполагают общий порядок на уровне типа, начиная с одноклеточных организмов (например, бактерии), затем переход к «простым» многоклеточным организмам (например, губки), к моллюскам (например, гребешки), к членистоногим (например, крабы), а затем к хордовым (например, человек). На более развернутом уровне, скажем, на уровне классов животных, порядок может начинаться с хрящевых рыб (например, акулы), а затем переход к костистым рыбам, к земноводным (например, лягушки), к рептилиям (например, крокодилы), а затем к млекопитающим (например, человек). Практически каждый учебник по биологии содержит эволюционные «древа жизни», которые показывают именно эти последовательности. Несомненно, такие значительные, но постепенные изменения должны отражаться в окаменелостях.

Сам Чарльз Дарвин говорил о том, что в окаменелостях должны быть «бесчисленные переходные звенья». Десятая глава книги «Происхождение видов» озаглавлена «О несовершенстве геологической структуры». В ней Дарвин утверждал, что ввиду процесса естественного отбора, «количество промежуточных разновидностей, которые существовали прежде, [должно] быть поистине огромным». Однако, далее он признает:

Геология, несомненно, не преподносит никакой подобной расположенной в последовательном порядке органической цепи; и это, возможно, самое очевидное и серьезное возражение, которое может быть выдвинуто против этой теории. Я полагаю, что объяснение кроется в крайнем несовершенстве геологической структуры (1956, с. 292-293).

Это действительно было проблемой теории Дарвина, и все также остается проблемой для современной версии нео-дарвиновской эволюции. В конце концов, разве не смешно ожидать от

людей того, что они примут научную теорию за истину, в то время как ее защитникам приходится объяснять, почему не существуют самые убедительные доказательства? Это подобно прокурору, ведущему дело об убийстве, который в своей первой речи заявляет: «Мы знаем, что ответчик виновен в убийстве, хотя мы не можем найти мотив, оружие, тело или свидетелей».

Конечно, верно то, что окаменелости не дают совершенную картину, ибо некоторые слои, потенциально содержащие окаменелости, на определенных уровнях в некоторых местностях могли быть удалены или потревожены эрозией или тектонической деятельностью. Но Дарвин предположил еще одну причину несовершенства повествования, которое ведут окаменелости — недостаточные поиски. В 1859 году большая часть находок окаменелостей производилась в Европе и Соединенных Штатах. Однако, спустя более 125 лет дополнительных палеонтологических работ, уже невозможно подтвердить слова Дарвина. Геолог-эволюционист Т.Н. Джордж из Великобритании утверждал: «Более нет нужды оправдываться в бедности летописи окаменелостей. В некотором смысле их количество стало почти неуправляемо огромным, и находки опережают обработку» (1960, с. 1).

Хотя верно то, что **прежде** некоторые эволюционисты прибегали к окаменелостям в попытке подтвердить свою теорию, сегодня дела обстоят иначе. Несколько лет назад британский эволюционист Марк Ридли написал статью, защищавшую концепцию эволюции как «научный факт», однако, ему пришлось признать то, что стало общеизвестно среди людей, вовлеченных в полемику по вопросу о сотворении или эволюции: «Ни один настоящий эволюционист, будь то сторонник постепенной или скачкообразной эволюции, не использует окаменелости как свидетельство в пользу теории эволюции, противопоставленной особому сотворению» (1981, 90:831).

Предсказания двух моделей

При рассмотрении свидетельств, представляемых окаменелостями, крайне необходимо в точности знать, что предсказывают эволюционная и креационистская модели, чтобы иметь возможность сравнить эти предсказания с реальными данными. С одной стороны, эволюционная модель предсказывает: (а) «Самые старые» породы должны содержать свидетельство наиболее «при-

митивных» форм жизни, способных превратиться в окаменелости; (б) более «молодые» породы должны содержать более «сложные» формы жизни; (в) должно быть очевидное постепенное изменение «от простого к сложному»; и (г) должно присутствовать большое количество переходных форм (как признавал сам Дарвин, которого мы цитировали выше). С другой стороны, креационистская модель предсказывает: (а) «Самые старые» породы не всегда содержат свидетельства о самых «примитивных» формах жизни, а более «молодые» породы не всегда содержат свидетельства о более «сложных» формах жизни; (б) Необязательно должен проявляться постепенный переход форм жизни «от простого к сложному»; вместо этого должен быть внезапный «взрыв» различных и высокоорганизованных форм жизни; и (в) не может быть регулярного и систематического присутствия переходных форм, потому что переходные формы не существуют.

При исследовании предсказаний каждой из этих двух моделей в свете реальных данных становится очевидно, что свидетельства, получаемые при изучении окаменелостей, убедительно выступают **против** эволюции **за** сотворение, и это объясняет, почему такой ученый, как доктор Ридли, призывает эволюционистов более не использовать окаменелости как доказательство эволюции. Во-первых, давайте рассмотрим предсказания эволюционной модели о том, что окаменелости должны содержать свидетельство постепенного перехода форм жизни от простого к сложному. До недавнего времени исследование до-кембрийского слоя геологической таблицы не обнаружило никаких неоспоримых свидетельств многоклеточных окаменелых форм, в то время как кембрийский слой (следующий геологический период) показывает внезапный «взрыв» форм жизни. В течение многих лет это было серьезной и основополагающей проблемой в эволюционной теории. Сегодня эволюционисты утверждают, что они обнаружили в слое кембрийского периода многоклеточных животных, не имевших ни раковин, ни скелетов. Эти находки, получившие название «Эдиакарский комплекс окаменелостей», по словам эволюционистов, включают животных, напоминающих медуз, кольчатых червей и возможных родственников кораллов. Но даже в свете этих новых находок, у теории эволюции все еще остается серьезная, основополагающая проблема. Генетик Джон Клотц объяснил, почему.

Все животные типы представлены в кембрийском периоде за исключением двух малых типов мягкотелых (которые, возможно, присутствовали там, не оставив окаменелостей) и хордовых. Возможно, что там присутствовали даже хордовые, потому что в породах кембрийского периода был найден объект, напоминающий рыбу. Вряд ли возможно, чтобы все эти формы зародились в этот период; тем не менее, нет никаких свидетельств того, что многие из них существовали до кембрийского периода (1972, с. 193-194).

Со времени опубликования книги доктора Клотца в кембрийских породах были действительно обнаружены хордовые (см. Репетски, 1978, с. 529-531). Проблема «недостающих предков» в кембрийских породах также остра, как и прежде. В одном научном тексте мы встречаем такой комментарий:

Даже теоретически огромный биологический прыжок от примитивных организмов к кембрийской фауне представляет значительные проблемы. Необходим целый ряд трансформаций, чтобы одноклеточные протозоа (простейшие) превратились в сложно устроенных животных, таких как омар, краб или креветка. Новые формы жизни, которые появляются в Кембрии, не были попросту скоплениями подобных клеток; они были сложными, полностью сформировавшимися животными с большим количеством клеток, имевших особое предназначение. ... Новые кембрийские животные представили поразительный прыжок к более высокому уровню специализации, организации и интеграции» (Американ Сайентифик Аффилэйшен, 1986, с. 35,37).

Эволюционисты хотят, чтобы мы поверили, будто от таких «предков», которые были найдены в Эдиакарском комплексе, «эволюционировали» все основные типы животных в тот период времени, который представлен прыжком между до-кембрийским и кембрийским периодами. Это не только невозможно, но и неразумно.

Во-вторых, если окаменелости подтверждают эволюцию, то они должны демонстрировать однозначную последовательность полностью функциональных промежуточных форм. Под «однозначным» и «функциональным» мы понимаем то, что должны быть исполнены определенные условия до того, как организм (ископаемый либо живущий) будет признан действительно промежуточной формой. Генри Моррис отметил, что истинно промежуточные формы должны проявлять:

(1) переходные или зарождающиеся структуры, такие как полусуйки/полуперья у рептилий/птиц; (2) ряд постепенно изменяющихся промежуточных форм от одного основного класса к другому, а не резкие изменения; (3) соотношение даже резких изменений со сменой геологического времени (1982а, с. 28).

Первое из этих условий для существования переходных форм не удовлетворяется окаменелостями. Например, существует мно-

жество форм млекопитающих, но все они равно млекопитающие; птицы отличаются огромным разнообразием, но они остаются представителями орнитофауны. Более того, все млекопитающие по своим отличительным признакам равно отделены от всех форм немлекопитающих, и все птицы имеют опознавательные и основополагающие отличия от всех других видов — границы между ними **настолько** четки. Настоящие переходные или зарождающиеся структуры так никогда и не были найдены. Причиной этому служит очевидный замысел в отношении любого живого существа, будь то бактерия или кит, гриб или орхидея. Части организма так замечательно и функционально действуют все вместе, что изменить один-единственный компонент в одном органе или теле означало бы уничтожить весь механизм. Палеонтолог Стивен Дж. Гоулд из Гарварда писал:

Отсутствие ископаемых свидетельств в пользу промежуточных стадий между основными переходами в органическом мире, наша неспособность во многих случаях даже в воображении сконструировать функциональные промежуточные формы была неизменной и мучительной проблемой для повествований эволюции о последовательных изменениях (1980, с. 127).

Когда обнаруживается новый вид (будь то ископаемый или живой), он либо в совершенстве вписывается в хорошо известные современные группы, либо узко специализирован и принадлежит к своей собственной уникальной группе и не имеет отношения (эволюционного или нет) к любому другому типу растений или животных. Эта степень постоянства представляет проблему в нахождении эволюционной последовательности, которая бы удовлетворяла второму требованию. Классическим примером первого случая (то есть, ископаемым, которое замечательным образом вписывается в уже существующие таксономические группы) является исчезнувший *археоптерикс*, которого объявили «недостающим звеном» в предполагаемом сценарии эволюции от рептилий к птицам. Хотя мягкие ткани не сохранились, и определенные признаки скелета сходны с рептилиями, его перья и крылья полностью сформированы для осуществления мощного полета. Изучение мозговой ткани из внутренней части черепа образца также указывает на то, что его следует классифицировать как полноправного представителя орнитофауны, а не рептилиоподобную птицу или птицеподобную рептилию (см. Джерисон, 1968, с. 1381-1382; подробную информацию об *археоптериксе* см. Гиш, 1985, с. 110-117).

Поиски переходных форм также проводились среди живых существ, но опять же, предполагаемые звенья оказывались отличными от других видами или типами. Протоптеры (род рыб класса двоякодышащих) могли бы считаться классическим примером живого звена, которое могло бы считаться промежуточной формой между рыбами и земноводными. Они имеют жабры и плавники как рыбы, но легкие и сердце, как земноводные животные. Однако, жабры протоптеров полностью рыбоподобные, а их сердце совершенно такое же, как сердце земноводного — системы индивидуальных органов ни в коем случае не являются переходными.

В отношении второго случая (то есть, организма настолько уникального, что он не вписывается ни в одну из существующих таксономических групп), в океанских глубинах и в различных геологических пластах, богатых окаменелостями, были обнаружены своеобразные организмы, но все они были прежде неизвестными формами. Некоторые настолько отличны от того, что было известно раньше, и, следовательно, несвязаны с другими видами в эволюционном смысле, что пришлось создавать целые новые типы для их классификации.

Доктор Гоулд находит эти пробелы в летописи окаменелостей интересными, потому что он рассматривает их как свидетельство, подтверждающее теорию «разорванного равновесия», которую он и Нильс Эддредж предложили в качестве объяснения того, почему окаменелости не содержат переходных форм (см. Томпсон, 1989). Однако, следующее высказывание ученого такого калибра служит существенным приговором нео-дарвиновской эволюции. Гоулд полагает: «Все палеонтологи знают, что окаменелости содержат слишком мало в смысле промежуточных форм; переходы между основными группами характерно обрывочны» (1977а, с. 24). Таким образом, разрывы в летописи окаменелостей существуют, потому что не были найдены переходные формы, необходимые для их заполнения. Эти разрывы действительно очень реальны — слишком реальны, чтобы их отрицать или не замечать.

Третье требование для переходных форм также не удовлетворяется окаменелостями, потому что когда в них встречаются определенные организмы, они кажутся совершенно приспособленными к своей окружающей среде и полностью соответствующими своему виду. Например, летучие мыши внезапно появляются в окаменелостях примерно 60 миллионов лет назад (в соответствии с

эволюционной шкалой), однако, им не предшествовали никакие известные переходные формы; и они незначительно отличаются от современных видов. Это только одно из множества исключений. Сказать, что общая тенденция от простого к сложному, которая, якобы, проявляется в окаменелостях, подтверждает эволюцию подобно тому, чтобы сказать, что, чем сильнее и жестче становится человек, тем большего успеха он добивается. Истинность этой аналогии может быть применима в редких случаях и в некоторых областях, как, например, в джунглях, на боксерском ринге или борцовской арене, но как быть в случае с худошавым миллионером?

И вообще, кто определяет понятие «успеха»? Можно с уверенностью сказать, что совершенно противоположное установленным эволюционным предположениям не только может быть, но и было продемонстрировано. Например, так называемый «кембрийский взрыв» (предположительно начавшийся около 600 миллионов лет назад) показывает внезапное появление представителей всех основных типов беспозвоночных, каждый из которых имеет явные характеристики своего класса, и ни один — предшествующие переходные формы. То же самое происходит с типами позвоночных в первой половине палеозойского периода (предположительно, 400 миллионов лет назад) и цветущими растениями в меловом периоде (137 миллионов лет назад по оценкам эволюционистов). Обратите внимание на эти слова ведущего палеонтолога Джорджа Гейлорда Симпсона, сказанные им еще в 1953 году: «Большинство новых видов, родов и семейств и практически все категории, превышающие уровень семейств, появляются в окаменелостях внезапно, и к ним не ведут известные, постепенные, полностью переходные последовательности» (с. 360).

Ситуация значительно изменилась в худшую сторону с тех пор, как доктор Симпсон сделал это наблюдение. Например, Гиш и его соавторы комментируют:

Не было найдено ни одного промежуточного ископаемого, как можно было бы ожидать на основе эволюционной модели, между одноклеточными животными и беспозвоночными, между беспозвоночными и позвоночными, между рыбами и земноводными, между земноводными и рептилиями, между рептилиями и птицами или млекопитающими, или между «низшими» млекопитающими и приматами (1981, с. iv).

В журнале «Эволюция» Дэвид Киттс напомнил своим коллегам:

Несмотря на выразительные обещания о том, что палеонтология даст возможность «увидеть» эволюцию, она представила мрачные трудности для эволюционистов, самая печально известная из которых это

наличие «разрывов» в окаменелостях. **Эволюции необходимы промежуточные формы между видами, а палеонтология их не предоставляет** (1974, с. 466, выделено мной — Б.Т.).

Доктор Гоулд пошел еще дальше, когда утверждал, что «чрезвычайная редкость переходных форм в окаменелостях продолжает существовать как производственная тайна палеонтологии. Эволюционное древо, которое украшает страницы наших учебников, имеет достоверные данные только на кончиках и узлах своих веток: остальное — это подразумеваемое, каким бы разумным оно ни казалось, а не свидетельства окаменелостей» (1977б, с. 13). И он привел две характеристики окаменелостей, которые нельзя обойти вниманием:

(1) Неизменяемость: большинство видов не проявляют непосредственных изменений за время своего пребывания на земле. Они появляются в окаменелостях, имея такой же вид, как и при исчезновении

(2) Внезапное появление: в любой отдельно взятой местности какой-либо вид не возникает постепенно путем равномерной трансформации своих предков; он возникает сразу же и «полностью сформировавшимся» (1977б, с. 13, выделено мной — Б.Т.).

Может возникнуть впечатление, что такие эволюционисты, как Киттс, Гоулд и Симпсон, одиноки в таких мыслях или говорят об «аномалиях». Это не так. В 1978 году палеонтолог Колин Паттерсон, редактор журнала, издаваемого Британским музеем естественной истории в Лондоне, и один из ведущих авторитетов в области эволюции двадцатого столетия, написал книгу под названием «Эволюция». В этой книге он отвел ископаемым окаменелостям только шесть или семь страниц (большую часть которых занимают графики и таблицы). 5 марта 1979 года Лютер Сандерлэнд (Нью-Йорк) написал доктору Паттерсону письмо, задав именно этот вопрос (и некоторые другие). Ответ доктора Паттерсона от 10 апреля 1979 года был напечатан в августовском номере «Бюллетеня библейской науки» за 1981 год. У меня имеется точная фотокопия письма доктора Паттерсона, отпечатанного на бумаге с логотипом Британского музея. Среди прочего, доктор Паттерсон сказал:

... Я полностью согласен с вашими комментариями об отсутствии в моей книге прямых примеров эволюционных переходов. **Если бы я знал о них, живых или ископаемых, я бы, несомненно, включил их ...** . Однако, сложно возражать Гоулду и сотрудникам Американского музея, когда они говорят, что **нет переходных окаменелостей**. ... Я скажу откровенно — **нет ни одного ископаемого, на основе которого можно было бы привести вполне обоснованный довод** (1979, выделено мной — Б.Т.).

Это тот самый Колин Паттерсон, который заявил в телепрограмме Би-Би-Си:

... Мы имеем доступ к верхушке дерева; само дерево — это теория, и люди, которые претендуют на знание этого дерева и того, как происходило ответвление веток и сучков, по моему мнению, говорят неправду (1982).

Креационистская модель **предсказывает** внезапный «взрыв» жизни — полностью сформировавшихся растений и животных. Креационистская модель **предсказывает** сочетание форм жизни. Креационистская модель **предсказывает** систематическое отсутствие переходных форм. Свидетельства, полученные при изучении окаменелостей, наглядно показывают: (а) внезапное появление полностью сформировавшейся жизни; (б) комбинацию форм жизни (например, почти все, если не все, типы в кембрийском периоде); и (в) значительный недостаток или отсутствие переходных форм. В 1976 году в своем президентском обращении к Британской геологической ассоциации Дерек В. Эйджер заявил:

Наверняка имеет значение то, что практически все рассказы об эволюции, которые я слышал в бытность студентом, ... теперь развенчаны. ... Следует отметить, что, если мы детально исследуем окаменелости, будь то на уровне классов или видов, мы обнаруживаем — снова и снова — не постепенную эволюцию, но внезапное появление одной группы за счет другой (1976, с. 132-133).

Несомненно, эволюционисты сегодня оказались в затруднительном положении. Они не могут найти ни переходных форм, наличия которых требует их теория, ни механизма для объяснения того, как вообще проходил предполагаемый эволюционный процесс. При этом факты соответствуют креационистской модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доказательства, подобные тем, которые размещены в названиях глав этой книги, можно умножать снова и снова. Однако, смысл этого в том, что у креационистов есть внушительный арсенал доказательств для подтверждения вывода о том, что креационистская модель лучше соответствует имеющимся научным фактам, чем эволюционная модель. Одностороннее внушение идей этой материалистической философии ученикам в государственных школах в нашем плюралистичном, демократическом обществе есть нарушение академических и религиозных свобод. Более того, это скверная наука и скверное образование. Чтобы исправить эту невыносимую ситуа-

цию, ученые-креационисты предлагают, исключая использование Библии или любой другой религиозной литературы, преподавать в школах научные свидетельства, которые могут быть представлены в пользу сотворения или эволюции, тщательно и беспристрастно. В этом случае ученики, исследовав все данные и рассмотрев каждую альтернативу, смогут взвесить подтекст и последствия каждой точки зрения и сами решить, что заслуживает доверия и отвечает здравому смыслу. Это есть хорошее образование и хорошая наука в лучших традициях академической свободы.

Даже Дарвин в «Введении» к книге «Происхождение видов» утверждал:

Мне хорошо известно, что факты практически каждого вопроса, рассмотренного в этой книге, могут быть использованы с тем, чтобы сделать выводы, прямо противоположные тем, к которым пришел я. Справедливый результат может быть достигнут только при помощи полноценных формулировок и взвешивания фактов и аргументов по обе стороны каждого вопроса ... (1956, с. 18).

Но многие эволюционисты стремятся замаять все те сомнения, которые возникают изнутри или извне научных или образовательных устоев, скрывая погрешности и слабости эволюции и непреклонно противостоя научному рассмотрению сотворения. Почему это происходит? Есть два возможных объяснения. Во-первых, возможно, что эволюционисты считают студентов слишком невежественными или слишком безграмотными, чтобы раскрывать им эти соперничающие представления о происхождении жизни. Таким образом, их нужно «защитить» и внушить им «правильные» идеи со стороны тех, кто считает себя интеллектуальной элитой — единственно владеющей истиной. Во-вторых, тщательно и намеренно соорудив эту хрупкую башню, в которой одна гипотеза накладывается на другую, эволюционисты вполне могут осознавать тот факт, что эволюции придется туго, если ей бросить открытый и определенный вызов со стороны ученых-креационистов, и, если это произойдет, большинство студентов примут сотворение как лучшую из двух концепций о происхождении жизни. В любом случае, студенты должны получить **все** свидетельства, чтобы эти две альтернативные концепции происхождения жизни — сотворение и эволюция — могли свободно соперничать на рынке идей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abercrombie, M., C. Hickman, and M. Johnson (1961), *A Dictionary of Biology* (Baltimore, MD: Penguin).
- Ackerknecht, E.N. (1973), «Rudolf Virchow,» *Encyclopaedia Britannica*, 23:35.
- Adler, Irving (1963), *Probability and Statistics for Everyman* (New York: John Day).
- Ager, Derek V. (1976), «The Nature of the Fossil Record,» *Proceedings of the Geological Association*, 87[2]:131-159.
- American Scientific Affiliation (1986), *Teaching Science in a Climate of Controversy* (Ipswich, MA).
- Andrews, E.H. (1978), *From Nothing to Nature* (Welwyn, Hertfordshire, England: Evangelical Press).
- Asimov, Isaac (1972), *Isaac Asimov's Biographical Encyclopedia of Science and Technology* (New York: Avon).
- Ayala, Francisco (1968), «Genotype, Environment, and Population Numbers,» *Science*, 162:1436.
- Ayala, Francisco (1978), «The Mechanisms of Evolution,» *Scientific American*, 239[3]:56-59.
- Bateson, William (1914), *Nature*, August 20.
- Borel, Emile (1962), *Probabilities and Life* (New York: Dover).
- Borel, Emile (1965), *Elements of the Theory of Probability* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).
- Cairns-Smith, A.G. (1985), *Seven Clues to the Origin of Life* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Clark, LeGros (1955), *Discovery*, January.
- Coppedge, James E. (1973), *Evolution: Probable or Improbable?* (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Craig, William Lane (1979), *The Existence of God and the Beginning of the Universe* (San Bernardino, CA: Here's Life Publishers).
- Craig, William Lane (1984), *Apologetics: An Introduction* (Chicago, IL: Moody).
- Darwin, Charles (1956 edition), *The Origin of Species* (London: J.M. Dent&Sons).
- Davis, Georgs E. (1958), «Scientific Revelations Point to a God,» *The Evidence of God in an Expanding Universe*, ed. John C. Monsma (New York: G.P. Putnam's Sons).
- Davis, Percival and Dean Kenyon (1989), *Of Pandas and People* (Dallas, TX: Haughton).
- Dawkins, Richard (1982), «The Necessity of Darwinism,» *New Scientist*, Vol. 94, April 15.
- Dawkins, Richard (1986), *The Blind Watchmaker* (New York: W.W. Norton).
- Denton, Michael (1985), *Evolution: A Theory in Crisis* (London: Burnett).
- Dickerson, Richard E. (1978), «Chemical Evolution and the Origin of Life,» *Scientific American*, 239[3]:70-110.
- Eden, Murray (1967), «Inadequacies of Neo-Darwinian Evolution as a Scientific Theory,» *Mathematical Challenges to the Neo-Darwinian Interpretation of Evolution*, ed. Paul S. Moorhead and Martin M. Kaplan, Wistar Symposium No. 5 (Philadelphia, PA: Wistar Institute).
- Edey, Maitland and Donald C. Johanson (1989), *Blueprints: Solving the Mystery of Evolution* (Boston, MA: Little, Brown).

- Eiseley, Loren (1957), *The Immense Journey* (New York: Random House).
- Estling, Ralph (1994), «The Scalp-Tinglin', Mind-Blowin', Eye-Poppin', Heart-Wrenchin', Stomach-Churnin', Foot-Stumpin', Great Big Doodley Science Show!!!», *Sceptical Inquirer*, 18[4]:428-430.
- Estling, Ralph (1995), «Letter to the Editor,» *Sceptical Inquirer*, 19[1]:69-70.
- Ford, E.B. (1979), *Understanding Genetics* (New York: Pica Press).
- Gamow, George (1961), *One, Two, Three — Infinity* (New York: Viking).
- Gardner, Eldon J. (1972), *The History of Biology*, 3rd edition (Minneapolis, MN: Burgess Publishing).
- Geisler, Norman L. (1976), *Christian Apologetics* (Grand Rapids, MI: Baker).
- George, T.N. (1960), *Science Progress*, Vol. 48, No.1.
- Gerstner, John H. (1967), *Reasons for Faith* (Grand Rapids, MI: Baker).
- Gish, Duane T. (1985), *Evolution: The Challenge of the Fossil Record* (El Cajon, CA: Master Books).
- Gish, Duane T., Richard B. Bliss, and Wendell R. Bird (1981), *Summary of Scientific Evidence for Creation* [Part I], Impact #95 (El Cajon, CA: Institute for Creation Research).
- Golay, Marcel J.E. (1961), «Reflections of a Communications Engineer,» *Analytical Chemistry*, June, p. 23.
- Gould, Stephen J. (1977a), «The Return of Hopeful Monsters,» *Natural History*, 86[6]:22-30.
- Gould, Stephen J. (1977b), «Evolution's Erratic Pace,» *Natural History*, 86[5]:12-16.
- Gould, Stephen J. (1980), «Is a New and General Theory of Evolution Emerging?» *Paleobiology*, Vol. 6, January.
- Grasse, Pierre-Paul (1977), *The Evolution of Living Organisms* (New York: Academic Press).
- Green, D.E. and R.F. Goldberger (1967), *Molecular Insights into the Living Process* (New York: Academic Press).
- Greig, J.Y.T., ed. (1932), *Letters of David Hume* (Oxford: Oxford University Press), 1:187.
- Gribbin, John (1981), *Genesis: The Origins of Man and the Universe* (New York: Delacorte).
- Guth, Alan and Paul Steinhardt (1984), «The Inflationary Inverse,» *Scientific American*, Vol. 250, May.
- Guth, Alan (1988), Interview in *Omni*, November, 11[2]:75-76,78-79,94,96-99.
- Hawking, Stephen W. (1988), *A Brief History of Time* (New York: Bantam).
- Hofstadter, Douglas R. (1980), *Godel, Escher, Bach: An Eternal Golden Braid* (New York: Vintage Books).
- Hoyle, Fred (1981a), «The Big Bang in Astronomy,» *New Scientist*, Vol. 92, November 19.
- Hoyle, Fred (1981b), «Hoyle on Evolution,» *Nature*, Vol. 294, November 12.
- Hoyle, Fred and Chandra Wickramasinghe (1978), *Lifeclock* (New York: Harper & Row).
- Hoyle, Fred and Chandra Wickramasinghe (1981), *Evolution from Space* (London: J.M. Dent & Sons).
- Hull, David (1974), *Philosophy of Biological Science* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).
- Jastrow, Robert (1977), *Until the Sun Dies* (New York: W.W. Norton).

- Jastrow, Robert (1978), *God and the Astronomers* (New York: W.W. Norton).
- Jastrow, Robert (1982), «A Scientist Caught Between Two Faiths,» Interview with Bill Durbin, *Christianity Today*, August 6.
- Jerison, J.H. (1968), «Brain Evolution and *Archaeopteryx*,» *Nature*, pp. 1381-1382.
- Kaplan, R.W. (1971), «The Problem of Chance Information of Protobionts by Random Aggregation of Macromolecules,» *Chemical Evolution and the Origin of Life*, ed. R. Buver and C. Ponnampuruma (New York: American Elsevier).
- Kautz, Darrel (1988), *The Origin of Living Things* (Milwaukee, WI: privately published by the author).
- Kerkut, George A. (1960), *The Implications of Evolution* (London: Pergamon).
- King, A.C. and C.B. Read (1963), *Pathways to Probability* (New York: Holt, Rinehart & Winston).
- Kirk, David (1975), *Biology Today* (New York: Random House).
- Kitts, David G. (1974), «Paleontology and Evolutionary Theory,» *Evolution*, Vol. 28, September.
- Klotz, John (1972), *Genes, Genesis and Evolution* (St.Louis, MO: Concordia).
- Klotz, John (1985), *Studies in Creation* (St.Louis, MO: Concordia).
- Koestler, Arthur (1978), *Janus: A Summing Up* (New York: Vintage Books).
- Lapedes, D.N., ed. (1978), *McGraw-Hill Dictionary of Scientific and Technical Terms* (New York: McGraw-Hill).
- Lester, Lane and Raymond Bohlin (1984), *The Natural Limits of Biological Change* (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Lipson, H.S. (1980), «A Physicist Looks at Evolution,» *Physics Bulletin*, 31:138.
- Lovtrup, Soren (1987), *Darwinism: The Refutation of a Myth* (London: Croom Helm).
- Martin, C.P. (1953), «A Non-Geneticist Looks at Evolution,» Vol. 41, *American Scientist*.
- Meiklejohn, J.M.D., trans. (1878), Immanuel Kant, *Critique of Pure Reason* (London).
- Mendel, Gregor (1865), *Experiments in Plant Hybridization*, reprinted in J.A. Peters, ed. (1959), *Classic Papers in Genetics* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).
- Moe, Martin A. (1981), «Countering the Creationists,» a paper presented to the National Academy of Science *Ad Hoc* Committee on Creationism in Washington, D.C., October 19.
- Moore, John A., and H.S. Slusher (1974), *Biology: A Search for Order in Complexity* (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Morowitz, Harold J. (1970), *Entropy for Biologists* (New York: Academic Press).
- Morris, Henry M., ed. (1974), *Scientific Creationism* (San Diego, CA: Creation-Life Publishers).
- Morris, Henry M. (1982a), *Creation and Its Critics* (San Diego, CA: Creation-Life Publishers).
- Morris, Henry M. (1982b), *Evolution in Turmoil* (San Diego, CA: Creation-Life Publishers).
- Morris, Henry M. (1984), *The Biblical Basis for Modern Science* (Grand Rapids, MI: Baker).
- Morris, Henry M. and Gary E. Parker (1987), *What is Creation Science?* (El Cajon, CA: Master Books).
- Morris, John (1992), «Do Americans Believe in Creation?,» *Acts & Facts*, February, 21[2]:d.

- Newport, Frank (1993), «God Created Humankind, Most Believe,» *Sunday Oklahoman*, A-22.
- Orgel, Leslie (1982), «Darwinism at the Very Beginning of Life,» *New Scientist*, Vol. 94, April 15.
- Patterson, Colin (1979), Letter of April 10, 1979 to Mr. Luther Sunderland; reprinted in *Bible-Science Newsletter*, 19[8]:8, August 1981.
- Patterson, Colin (1981), Written transcript made from audio tape of lecture presented at the American Museum of Natural History, November.
- Patterson, Colin (1982), «Cladistics,» Interview on British Broadcasting Corporation television program on March 4. Brian Leek, producer; Peter Franz, interviewer. A written report of this interview was published in the BBC publication, *The Listener*, (1981), 106:390.
- Popper, Carl (1975), *Objective Knowledge* (Oxford: Clarendon Press).
- Repetski, John E. (1978), «A Fish from the Upper Cambrian of North America,» *Science*, 200:529-530.
- Ridley, Mark (1981), «Who Doubts Evolution?» *New Scientist*, 90:830-832, June 25.
- Sagan, Carl, ed. (1973), *Communications with Extra-Terrestrial Intelligence* (Boston, MA: MIT Press).
- Salisbury, Frank (1971), «Doubts about Modern Synthetic Theory of Evolution,» *American Biology Teacher*, September.
- San Diego Union* (1982), «44% Believe God Created Mankind 10,000 Years Ago,» August 30.
- Simpson, George G. (1953), *The Major Features of Evolution* (New York: Columbia University Press).
- Simpson, George G., C.S. Pittendrigh, and L.H. Tiffany (1957), *Life: An Introduction to Biology* (New York: Harcourt, Brace and Co.).
- Simpson, George G., and William S. Beck (1965), *Life: An Introduction to Biology* (New York: Harcourt, Brace & World).
- Sproul, R.C. (1944), *Not A Chance* (Grand Rapids, MI: Baker).
- Sproul, R.C., John Gerstner, and Arthur Lindsley (1984), *Classical Apologetics* (Grand Rapids, MI: Zondervan).
- Stace, W.T. (1934), *A Critical History of Greek Philosophy* (London).
- Stenger, Victor J. (1987), «Was the Universe Created?,» *Free Inquiry*, Summer, 7[3]:26-30.
- Sullivan, J.W.N. (1933), *The Limitations of Science* (New York: Viking).
- Suzuki, David and Peter Knudtson (1989), *Genethics* (Cambridge, MA: Harvard University Press).
- Taylor, Richard (1967), «Causation,» in *The Encyclopedia of Philosophy*, ed. Paul Edwards (New York: Macmillan), 2:56-66.
- Thaxton, Charles, Walter Bradley, and Roger Olsen (1984), *The Mystery of Life's Origin* (New York: Philosophical Library).
- Thompson, Bert (1977), *Theistic Evolution* (Shreveport, LA: Lambert).
- Thompson, Bert (1989), «Hopeful Monsters” and Evolution: Punctuated Equilibrium Examined,» *Reasons & Revelation*, 9:5-8.
- Thompson, Bert (1995), *Creation Compromises* (Montgomery, AL: Apologetics Press).
- Trefil, James (1984), «The Accidental Universe,» *Science Digest*, June, 92[6]:53-55,100-101.

Tresmontant, Claude (1967), «It Is Easier to Prove the Existence of God Than It Used to Be,» *Realites*, April.

Tryon, Edward P. (1984), «What Made the World?,» *New Scientist*, Vol. 101, March 8. von Mises, Richard (1968), *Positivism* (New York: Dover).

Wald, George (1962), «Theories of the Origin of Life,» *Frontiers of Modern Biology* (Boston, MA: Houghton-Mifflin).

Wald, George (1979), «The Origin of Life,» *Writing About Science*, ed. Mary Elizabeth Bowen and Joseph A. Mazzeo (New York: Oxford University Press). [This is a reprint of Dr. Wald's original, award-winning article as published in *Scientific American*, August 1954.]

Watson, James D. and Francis Crick (1953), *Nature*, 171:137ff.

West, R.R. (1968), «Paleontology and Uniformitarianism,» *Compass*, Vol. 45, May.

Wicken, J. (1979), «The Generation of Complexity in Evolution: A Thermodynamic and Information-Theoretical Discussion,» *Journal of Theoretical Biology*, Vol. 77, April.

Wilder-Smith, A.E. (1976), *A Basis for a New Biology* (Einigen: Telos International).

Wilder-Smith, A.E. (1987), *The Scientific Alternative to Neo-Darwinian Evolutionary Theory* (Costa Mesa, CA: TWFT Publishers).

Winchetser, A.M. (1951), *Genetics* (Boston, MA: Houghton-Mifflin).

Wysong, R.L. (1976), *The Creation-Evolution Controversy* (East Lansing, MI: Inquiry Press).

ДВИЖЕНИЕ «РАЗУМНОГО ЗАМЫСЛА»

В течение последних десяти лет возник новый способ оформления дебатов о происхождении Вселенной. Согласно этому подходу, тема дебатов формулируется как «Разумный замысел против натурализма», а не «Сотворение против эволюции». Ученые, юристы, философы, богословы, преподаватели и другие сподвижники этого подхода объединились в свободный союз под названием «движение разумного замысла». Отцом-руководителем этого движения выступает Филлип Э. Джонсон, преподаватель права в Университете Беркли. Другие ключевые фигуры это Майкл Бехе, Дэвид Берлински, Уильям Дембски, Дэвид К. Де-Вульф, Стивен К. Мейер, Пол Нелсон, Нэнси Пирси, Джей Уэсли Ричардс и Джонатан Уэллс.

Услышав об этом впервые, регулярные читатели журнала «Разум и откровение» («Reason & Revelation») могут с подозрением отнестись к подходу разумного замысла. Почему кто-либо хочет перестать говорить о сотворении? В конце концов, «сотворение» обычно предполагает существование Бога-Творца, Который, как правило, связывается с Богом Библии. Далее, почему кто-то хочет изъять «эволюцию» из темы дебатов? Пытаются ли эти люди украдкой пронести эволюционную теорию мимо консервативных верующих?

Эти подозрения имеют некоторое основание. Еще со времен Дарвина христиане упорно решали вопросы науки и веры. Многие из них, наиболее образованные, были смущены судом над Скоупсом* в 1920-ых гг., неудачными судебными процессами в

* Имеется в виду суд над учителем биологии государственной школы в штате Теннесси за незаконное преподавание дарвиновской теории эволюции. Закон штата Теннесси запрещал преподавание любой теории, отвергавшей библейское повествование о божественном сотворении человека. После драматических судебных баталий, получивших широкую общественную огласку, Скоупс был признан виновным. Верховный Суд штата Теннесси оправдал Скоупса по причине несоблюдения необходимых формальностей в течение предыдущего разбирательства, но подтвердил конституционность самого закона (прим. перев.).

семидесятых и восьмидесятых годах и недавними политическими разногласиями в таких штатах, как Канзас. Слишком часто ответной реакцией, даже со стороны верующих, выражающих преданность богодухновенному библейскому тексту, становилось желание уступить победу дарвиновской эволюции. Придерживаться замысла во вселенной и не настаивать на существовании библейского Бога-Творца означает еще большие уступки.

Однако, движение разумного замысла производит критическое отклонение, не вдаваясь в подробности толкования Библии и не принимая какой-либо богословской позиции. Защитники разумного замысла приняли решение сосредоточить внимание на двух критических вопросах: (1) Способна ли наука в принципе обнаружить в природе свидетельства замысла? (2) Есть ли какие-либо свидетельства подлинного замысла в природе в целом (и в биологическом мире в частности)? Намереваясь настойчиво решать эти вопросы, они не желают отвлекаться на аргументы радиометрического определения возраста или того, сколько животных могло поместиться в ковчеге. Поэтому представители этого движения хотят отложить вопросы о Книге Бытия и возрасте Земли. Дело не в том, что эти вопросы неуместны или незначительны; просто они приберегаются для другого времени и места.

В то же самое время руководители движения разумного замысла не скрывают своих религиозных убеждений. Они видят свидетельства замысла в природе и полагают, что это соответствует их вере в Бога-Творца. Однако, они настаивают на том, что эти свидетельства в любом конкретном случае должны взвешиваться на основе их научной ценности. Если свидетельства говорят в пользу замысла и вопреки случайности и естественному закону, тогда этот вывод должен быть принят независимо от религиозной подоплеки. Однако, опыт показывает, что ревностные эволюционисты не желают играть в эту игру. Они предлагают примеры предполагаемого «плохого замысла» как опровержение Бога теизма, но отказываются принять вероятность подлинного замысла на тех основаниях, что это может открыть дверь для божественного вмешательства в природный мир. Иными словами, они не могут прийти к решению относительно того, является ли Бог неправильной альтернативой или вообще не является таковой.

Вскрытие подобных несоответствий и создание равных условий это критические первые шаги в текущей стратегии движения. Этот же

подход делает жестким решимость движения не формулировать тему дебатов как «сотворение против эволюции», потому что, как мы увидим, эти слова окутаны туманом двусмысленностей, покрывающим подлинные проблемы. Также присутствует эмоциональный компонент. Например, когда преподаватель наук естественного цикла осмеливается с симпатией говорить о «сотворении», средства массовой информации основного направления призывают нас отождествлять эту концепцию с точкой зрения, которой придерживаются так называемые анти-интеллектуальные, анти-научные, немыслящие, нетерпимые, узколюбые, необразованные фундаменталисты, которые по-прежнему думают, что Земля плоская и является центром Вселенной. Тем не менее, когда преподаватель местного колледжа встает на защиту «эволюции», нас призывают думать о точке зрения, которой придерживаются «все достойные уважения ученые» и «мыслящие люди по всему свету». Действительно, в газетных статьях часто говорится о «креационизме» против «эволюции», как-будто вера в сотворение это всего лишь один из многочисленных «измов», а эволюция — установленный факт. Движение разумного замысла не может ничего предпринять для предотвращения такой унижительной тактики. На самом деле критики придумали термин «креационизм разумного замысла» (напр., Пеннок, 1999, с. 28 и след.) в надежде на то, что средства массовой информации будут изображать движение разумного замысла ничем иным, как переодетым библейским буквализмом. Защитники подхода о разумном замысле снова желают разоблачить риторические уловки и настаивают на определениях. Этим обозначается отправная точка и для нас, так как мы стремимся понять некоторые из основных интересов движения разумного замысла.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

«Эволюция»

Одна из проблем, возникающих при рассмотрении вопроса о происхождении Вселенной, состоит в том, что эволюционисты как религиозного, так и нерелигиозного толка играют со словом «эволюция» в игру «наперстки».

Для тех из вас, кто никогда не видел этого волшебного представления, игра «наперстки» это древний трюк, в котором фокусник раскладывает на столе три наперстка, от которых и пошло название этой игры. Под одним из наперстков фокусник

помещает маленький предмет, например, горошину, а затем тасует их по столу. Ваша задача — указать на тот наперсток, под которым оказалась горошина. Это кажется довольно простым, и в этом кроется ловушка, так как фокусник при помощи ловкости рук может поместить горошину под любой из наперстков или вообще удалить ее.

Я не пытаюсь утверждать, что все эволюционисты намеренно занимаются такого рода обманом, но замешательство происходит в любом случае.

В их версии игры термин «эволюция» начинается под одним из следующих наперстков: наперсток для изменений любого рода; наперсток для незначительных изменений в живых организмах (микрорэволюция); или наперсток для совершенно естественного происхождения чего-либо, когда-либо жившего (макрорэволюция). Вне зависимости от того, где начинается эта игра, она всегда заканчивается под третьим наперстком. Вот несколько вариантов хода игры:

Игра 1. «Эволюция» попросту означает «изменение». И мы знаем, что все изменяется. В конце концов, разве вы не изменились с тех пор, как были ребенком? Разве двухмесячный утробный плод не отличается от двухмесячного ребенка? Поэтому, как вы видите, эволюция это факт.

Игра 2. Разве вы не знаете, что комары выработали устойчивость к ДДТ и что бактерии стали невосприимчивы к антибиотикам? И посмотрите на серповидную анемию: природа селекционировала мутацию, которая помогает людям выжить в регионах мира, охваченных малярийным вирусом. Итак, конечно, эволюция это факт.

Игра 3. Как еще можно объяснить морфологические и генетические сходства форм жизни на земле? Несомненно, сходство предполагает общее происхождение. Кроме того, говорить, что «Бог просто сделал так», с научной точки зрения не приносит большой пользы.

Из этих трех вариантов игры последний — единственный, который не требует ловкости рук, по крайней мере, с термином «эволюция». Мы внимательно наблюдали за горошиной, и она все время оставалась под наперстком для макрорэволюции. Здесь мы знаем, с чем имеем дело, но такую игру вы увидите нечасто. Профессионалы считают ее слишком откровенной и наглой для школьных учебников и основных средств массовой информации. Эволюционист не

хочет выступить прямо: «Послушайте, эволюция это факт. Бога нет, а даже если Он есть, то Он нам не нужен. Считайтесь с этим».

А что же с другими вариантами? В первой игре «эволюцию» поместили под наперсток для простых изменений, но к концу игры она появилась под наперстком для макроэволюции. Может показаться невероятным, что эволюционисты попытаются ловчить таким грубым образом, но это действительно случается. Действительно, справочник, выпущенный недавно Национальной Академией наук (НАН), утверждает, что детей необходимо учить эволюции, чтобы они научились понимать изменения (1998, с. 6). Действительно ли детям необходимо учить, что воробьи эволюционировали от динозавров, а люди — от обезьян, чтобы понять изменения? НАН полагает, что так.

Вторая игра является излюбленной, потому что обычный наблюдатель распознает ее с трудом. Горошина помещается под наперсток для микроэволюции, но в конечном итоге снова оказывается под наперстком для макроэволюции. Здесь вас просят поверить в то, что довольно легко поддается пониманию и вызывает доверие — что, например, популяция или даже целый вид может подвергаться незначительным изменениям. Мы привыкли узнавать о детях с такими инфекционными заболеваниями ушей, которые уже не поддаются лечению обычными антибиотиками, или о насекомых, приобретших устойчивость к распространенным инсектицидам. Методом экстраполяции нас просят поверить, что маленькие изменения со временем могут превратиться в большие изменения.

Этот шаг впервые был предпринят Чарльзом Дарвиным, хотя он начал с изменений, выработанных селекцией одомашненных растений и животных. В книге «Происхождение видов» он писал: «Каким бы медленным ни был процесс селекции, если слабый человек может много сделать своими силами искусственной селекции, я не вижу пределов количественному выражению изменений ... которые могут быть вызваны в течение долгого периода времени селекционной силой природы» (1859, с. 109). Дарвин завлекает нас селекционным разведением, которое имеет какую-то цель и подтверждается испытаниями, но просит нас принять противоречивую теорию, которая приписывает неограниченные изменения слепым силам естественного отбора.

Эта тактика не претерпела значительных изменений за последние полтора столетия. В справочнике НАН для учителей, упо-

мянутом выше, авторы перечисляют следующее как примеры эволюции в действии (1998, с. 17-18):

- сопротивляемость заболеваний, передаваемых половым путем, антибиотикам;
- сопротивляемость крыс пестицидам;
- сопротивляемость насекомых инсектицидам и средствам защиты растений, полученных генетическим путем;
- толерантность растений к токсичным металлам;
- недавнее разделение двух «генетически и морфологически очень сходных» видов златоглазки;
- изменения в размере клюва дарвиновских вьюрков в результате засушливых условий (с. 19).

Первое, что вы отметите в этом списке, это то, что каждый пункт в нем представляет пример микроэволюции. Однако, не теряя ни минуты, справочник тут же начинает рассматривать то, как четырехногое копытное сухопутное животное превратилось в китоподобное существо. Но как же из одного получилось другое? Когда мы просим доказательство того, что эти существа родственны, нам говорят искать сходства. Когда мы недоумеваем, почему сходства должны подразумевать общее происхождение, нам говорят принять во внимание такого рода механизмы, которые производят изменения в клювах вьюрков. Когда мы просим доказательства того, что эволюция клювов вьюрков может произвести значительные изменения, нас просят еще раз взглянуть на сходства между несколькими вымершими существами. Только спрыгнув с этой карусели, мы можем увидеть философское кредо — предположение — к которому так привязаны эволюционисты. Это подводит нас к следующему определению.

«Натурализм»

Выражаясь словами справочника, выпущенного НАН, «в научных высказываниях должны привлекаться только естественные вещи и процессы» (с. 42). Далее авторы цитируют известного зоолога, Эрнста Мейра: «Демаркация между наукой и богословием, вероятно, это самое простое, потому что ученые не обращаются к сверхъестественному, чтобы объяснить, как действует естественный мир природы, и они не полагаются в его понимании на божественное откровение» (с. 43).

Что имеется в виду под словом «естественный»? Большинство авторов полагают, что легче сказать, чего это слово не означает. Оно исключает искусственное. Оно противопоставляется неестественному. Это — все, кроме сверхъестественного. В более широком смысле это слово синонимично «вещественному», а потому устраняет духов, разум и разумность (Ауни, 1995, с. 350).

Все-таки эти общие определения оставляют открытой вероятность того, что Бог мог вмешаться в естественный ход событий. Следствия этих чудес могут быть открыты для научного изучения, но Причина, будучи сверхъестественной, будет лежать за пределами непосредственного восприятия эмпирической науки — подобия будничной деятельности, которой занимаются ученые, когда входят в лабораторию и надевают белые халаты. Возьмите, к примеру, насыщение пяти тысяч (Мар. 6:38-44). Хлеб и рыбу можно было бы подвергнуть дюжине научных исследований, но процесс, посредством которого они появились, противостоял бы изучению. Таким образом, призывать к сверхъестественному в этом случае означает признать, что следствие, включающее совершенно естественные понятия (например, хлеб и рыба), не поддается пониманию в рамках естественных причин. Только обнаруживая систему в естественных причинах и их следствиях, ученый может формулировать естественные законы. Тем не менее, если Бог при желании может вмешиваться, тогда спелые яблоки могут летать по воздуху вокруг дерева, а паровозы могут без дозаправки топливом бежать вечно. По сути, ученые воображают крушение всего своего дела.

Еще больше ученые боятся образа мышления, в котором Бог заполняет пробелы, то есть, настроая взывать к сверхъестественному, как только мы не можем понять чего-либо в природе. Если честолюбивый исследователь желает воззвать к Богу в любой момент, тогда ему следует стремиться к карьере шамана или ведьмы, но не практика современной науки. Призыв к сверхъестественному это просто «плохой тон».

Устанавливая правила

Следствие всех этих проблем приводит к настоятельной необходимости того, чтобы вопросы, формулируемые о природе, давали природные, естественные ответы. Не может иметь значения то, что некоторая природная вещь имеет вид неестественного происхожде-

ния; объяснение этой естественной вещи должно быть естественным. При наличии такого условия слово «естественный» принимает значение того, что является «признанным» или «доступным для исследования» циклом естественных наук (Шмитт, 1995, с. 343; Лейси, 1995, с. 603). Бог, будучи неестественным, выходит за рамки *априорного* (то есть, прежде какого-либо рассмотрения фактов).

В литературе движения разумного замысла, а также в литературе другого происхождения эта точка зрения известна как **методологический натурализм**. Смысл в использовании этого трудно произносимого выражения состоит в том, чтобы высветить ограничения, которые большинство ученых наложили на свою методологию. Оно также служит для разграничения способа практической науки и убеждения в том, что природа это все, что у нас есть, которое является **метафизическим натурализмом** (под «метафизикой» понимается изучение существующего). Можно предположить, что теист воспримет первую точку зрения, но не вторую. В воскресенье он верит в то, что Бог существует и воскресил Человека из мертвых; в понедельник он возвращается к работе, уверенный, что Бог во время выходных ничего не напутал с колониями бактерий, растущих в его пробирках.

Однако, открывается возможность играть в слова в сфере этой терминологии. Можно утверждать с практической точки зрения, что методологический натурализм и **есть** способ, посредством которого ученые делают свою повседневную работу, независимо от того, желают ли они признать, что природа являет свидетельства разумного замысла. Например, испытание новых сплавов, возможно, не обеспечит наиболее очевидного места для поисков замысла в природе, даже если ученый прославляет Бога за исходное происхождение материи. Также идея исключения причин, исходящих от разумного источника, и, в частности, божественного фактора проникла во многие дисциплины. Например, современные богословы могут искать объяснение воскресения Иисуса в чем-то другом, а не в прямом вмешательстве Бога. По этим причинам Филлип Джонсон не так давно переключился на другое трудно произносимое выражение: эпистемологический натурализм (под «эпистемологией» понимается изучение познания). Изменения в терминологии указывают на степень того, как глубоко натуралистическое мышление отошло от методов науки и стало единственным способом познания во многих областях изу-

чения. Альтернативный, более легкий в произнесении термин это **эпистемический натурализм**, который я теперь будут употреблять.

Отстаивая правила

Важно помнить о том, что эпистемический натурализм не есть результат естественной науки, но предположение, введенное в науку. На первый взгляд, нет ничего плохого в том, что ученые строят предположения. Например, ученые предполагают, что мир поддается пониманию — что мы, разумные существа, можем увидеть смысл в окружающем нас мире. Ученые предполагают, что законы природы единообразны — что законы притяжения действуют здесь, на Земле, точно так же, как на спутнике Юпитера Ио, или что они сегодня действуют так, как действовали во времена Аристотеля.

По-настоящему вопрос звучит так: «Нужен ли нам эпистемический натурализм, чтобы наука работала действительно? Оправдано ли предположение?» Как мы увидели, защитники научной ортодоксии боятся вмешательства либо непосредственно в природу при помощи чудес, либо в уравнения и исследовательские журналы обескураженных ученых, которые решают призвать Бога, когда природа не дает очевидного ответа. Поэтому, не без доли иронии мы должны сказать, что главные возражения, выдвигаемые против Бога как разумного объяснения, имеют богословские корни — коренятся в **плохом** богословии.

Во-первых, теисты не утверждают, что Бог капризно вмешивается в дела людей. В своей обычной красноречивой манере К.С. Льюис отметил: «Бог не посыпает Природу чудесами в беспорядке, как будто из перчатки» (1947, с. 174). Для теистов чудеса составляют знамения от Бога, и, будучи таковыми, они имеют значение только в контексте. Сформулируем более формально: какое-либо необычное событие определяется как чудо, только если оно имеет ясное, данное Богом предназначение, согласующееся с характером Бога и находится в надлежащем богословском контексте. Эти условия должны быть выполнены, прежде чем будет обоснован неестественный ответ наподобие того, что «Бог это сделал». Ученые-теисты на протяжении столетий не испытывали никаких проблем с выяснением того, где проводить черту. Они верили в то, что Моисей разделил воды Красного моря, но не имели никаких проблем с настойчивыми изысканиями в физике или химии, потому что они бы узнали чудо, если бы его увидели.

И во-вторых, Бог не есть Бог, заполняющий пробелы в нашем **знании**, но Бог, заполняющий пробелы только в чисто **естественных объяснениях**. Дело не в том, что все естественные объяснения в данном случае были испробованы и оказались недостаточными, но в том, что все объяснения такого **рода** кажутся несоответствующими проблеме. Божественная деятельность в природе не становится *фактическим* ответом на невежество, но, скорее, ответом, который предусматривается доступными свидетельствами (см. Рейнольдс, 1998). Если свидетельства указывают, скажем, на разумный замысел, тогда ученый должен с готовностью принимать этот вывод (и отвергнуть позднее при необходимости).

В добавление к богословским оправданиям, защитники эпистемического натурализма предлагают прагматическое оправдание: наука действует лучше, когда это предположение находит свое место. Таким образом, в одном смысле может быть истинно, что эпистемический натурализм предполагается *априорно*. Но, в другом смысле, они полагают, что эпистемический натурализм оправдан *апостериорно* (после фактов). «Факты» в этом случае извлекаются из 300-400 лет истории науки или, как мы посмотрим, определенного прочтения этой истории.

Возникают два общих аргумента. Во-первых, есть утверждение, что наука перехитрила старое мировоззрение, и кто станет спорить с успехом? Мы видим такой образ мышления в справочнике, выпущенном НАН, в котором авторы пересказывают историю Галилея и образцовый переход от геоцентризма к гелиоцентризму (1998, с. 27-30). Ожидается, что мы должны восхвалять «Науку» с ее предположением эпистемического натурализма за наше правильное убеждение в том, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Мы достигли этой истины, как авторы могут утверждать вместе с Мейром, только когда мы устранили зависимость от суеверий, божественного откровения и богословия. Разум торжествует над религией; наука одержала победу над верой.

Проблема здесь заключается в том, что учебники по истории, как обычно, пишут победители. Такие персонажи конца правления королевы Виктории, как Эндрю Диксон Уайт, придавали новую форму истории о Галилее, чтобы показать «законное» место науки как единственного вершителя истины. Сто лет спустя по-прежнему пересказ этой истории Уайтом влияет на популярное воображение, так же как фильм «Пожнешь ветер» доминирует в наших впечатле-

ниях о суде над Скоупсом. К счастью, профессиональные историки науки сняли с этой истории накопившуюся пыль и грязь и, что неудивительно, обнаружили более сложную картину. Начнем с того, что в этой полемике семнадцатого столетия было нечто больше, чем «наука против церкви» (в данном случае, Римско-католической церкви). Никто не может сказать, глядя на факты, что у Галилея были впечатляющие научные доказательства, которые он представил в самом лучшем виде. Так случилось, что наиболее подходящее решение в то время пришло от Птолемея, александрийского астронома второго столетия от Р.Х., который действовал в рамках космологии, разработанной Аристотелем, греческим философом четвертого столетия до Р.Х. Ни один из них не был теистом. Несомненно, геоцентризм соответствовал одному способу прочтения избранных библейских отрывков (такое же понимание могло быть применимо к современным календарям с их «восходом» и «заходом»), но Писание само по себе не обеспечивало основания для отрицания утверждений Галилея. Чтобы перевернуть всю греческую философию, астрономию древности, средневековое богословие и политику Ватикана в пользу точки зрения Коперника, требовались убедительные доказательства, которых у Галилея не было. Отношение церкви к Галилею это другой вопрос. Но даже при этом, он был сослан не за его поиски «Истины», но за оскорбления, нанесенные папской властью того времени.

Еще один способ выразить натуралистическое прочтение истории это сказать, что наука не произвела никаких успешных объяснений, которые обращаются к сверхъестественному. Каждый неестественный ответ был покрыт естественным ответом. Классическим примером будет замещение особого сотворения дарвиновской теорией эволюции как доминантным способом объяснения истории жизни. Однако, Дарвин вначале предпочел действовать согласно правилам эпистемического натурализма и искать ответы, исключаящие сверхъестественное вмешательство. Согласно этим правилам, «успех» равняется чисто натуралистическому ответу, который считает спорный вопрос не требующим доказательств. Как только сотворение устраняется *априорно*, последующая история науки не сможет произвести «успешного» решения, которое призывало бы к неестественному.

Тесно связанное с этим утверждение состоит в том, что ненатуралистические взгляды, такие, как сотворение, очевидно, не

добиваются успеха, потому что они не появляются в научных журналах, в которых представлены различные точки зрения известных ученых. Однако, если эпистемический натурализм является ключом, тогда оппоненты не могут пробиться через редакторов и обозревателей, которые стоят на страже ворот ортодоксии. Теоретики движения разумного замысла, например, Майкл Бехе, сталкиваются с этими сложными проблемами каждый день. Им не только трудно публиковать свои статьи в научных журналах, но эти же журналы зачастую не позволяют публиковать отклики на критику предложений движения разумного замысла. В отчаянии Бехе прибег к публикации в Интернете части полученной им корреспонденции. Вот отрывок из одного письма:

Данный обозреватель не является специалистом в области свертываемости крови, но если возможная модель ее эволюционного развития, совместимая со всеми известными фактами, действительно до сих пор не была разработана, остающиеся вопросительные знаки не являются угрозой для науки — напротив, они являются сложной задачей, прибавленной к другим задачам, с которыми сталкивалась и сталкивается наука. И в этом случае наука добьется успеха (Бехе, 2000).

К этому моменту читатель уже должен распознать, что «наука» в данном случае определяется как «то, что дает натуралистический ответ». Тот обозреватель не только отошел от какого-либо научного анализа аргументов Бехе, признав, что он «не является специалистом», но и неправильно понял Бехе, полагая, что тот выдвигает старомодный аргумент Бога, заполняющего пробелы. На самом деле Бехе говорил о гораздо большем — то есть, о том, что натуралистические аргументы, как разновидность аргументов, не могут справиться с такими проблемами, которые представлены в процессе свертываемости крови (ср. Бехе, 1996, с. 77-97).

Второе обращение к истории утверждает, что самые значительные достижения в современной науке были совершены не теистами, а атеистами и агностиками. Желание теистов призывать к сверхъестественному и соотносить науку с откровением извлекает их из общего течения науки.

Это утверждение попросту вторит значительной богословской наивности, которую мы рассматривали выше. Вооруженные неправильным пониманием того, почему и как действует Бог, эпистемические натуралисты неправильно воспринимают веру как помеху в науке. Более того, исторические факты не на их стороне. До Дарвина большинство ведущих естествоиспытателей, ма-